

BIBLIOTHECA
UNIV. ILL.

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Годъ XXIII.

1914.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1915.

На медвѣжьемъ праздникѣ айновъ о. Сахалина.

Первая моя остановка послѣ поста Корсаковска на Ю. Сахалинѣ была въ айнскомъ селеніи Сіянцы, гдѣ три небольшихъ юрты туземцевъ притаились среди густыхъ зарослей тальника на возвышенномъ берегу рѣки Найбы близъ слиянія съ крупнѣйшимъ ея притокомъ, р. Такой.

Хозяинъ юрты, мой пріятель Уссайро, сидѣлъ на обычномъ хозяйскомъ мѣстѣ у огня, по лѣвую сторону отъ входа, спиною къ широкимъ нарамъ, вдумчивымъ взоромъ смотрѣлъ на весело играющее пламя и двумя длинными деревянными налочками, которыми достаются уголья для закуриванія, водилъ по песку на очагѣ, дѣлая въ немъ бороздки. Я усѣлся на разостланной на полу цыновкѣ у того же огня, но спиною къ задней стѣнкѣ дома—такъ, какъ полагается гостю. Послѣ обмена привѣтствіями, я завелъ разговоръ о предстоящемъ на Охотскомъ берегу медвѣжьемъ праздникѣ.

— Не во время, — говорилъ хозяинъ, — для меня, да и для всѣхъ насъ айновъ, въ этомъ году праздникъ медвѣдя. Теперь бы какъ разъ собираться на охоту, а тутъ поѣзжай совсѣмъ въ другую сторону. Если праздники затянутся, то и вовсе не удастся поставить въ эту осень петли на соболя. Надо будетъ довольствоваться тѣмъ, что поймашь „юру“ (самострѣлами) и капканами. А не ѣхать не могу. На будущій годъ будетъ у меня самого „камујасінке-то“ (день выведенія медвѣдя); если теперь я не поѣду, то и у меня соберется гостей меньше. Будутъ старики издалека, и другого удобнаго случая пригласить ихъ не найдется за весь годъ.

На мой вопросъ, почему охотскіе айны затѣяли праздникъ въ такое неудобное время, онъ мнѣ сообщилъ слѣдующее.

Весною у нихъ случилось большое несчастье. Шесть молодыхъ людей утонуло въ морѣ. Поѣхали они утромъ бить нерпу и болѣе не возвращались. Напрасно ждали ихъ родные цѣлую недѣлю, надѣясь, что, можетъ-быть, причалили они гдѣ-либо далеко отъ дома и вотъ-вотъ вернутся или лодкою или пѣшкомъ. На десятый день море выбросило на берегъ около с. Отасана носъ ихъ челнока. Трупы такъ и остались не найденными. Горе страшное. Родные не могли похоро-

нить своихъ близкихъ, оплакать ихъ и обрядить такъ, какъ велитъ ихъ законъ. Домъ, гдѣ жили утонувшіе, надо бросить, а вещи, которыми они пользовались, поломать и выбросить. Поэтому-то и медвѣдей убьютъ раньше, еще до выпаденія снѣга. Ихъ воспитывали какъ разъ тѣ семьи, члены которыхъ погибли.

Когда я сказалъ Уссайро, что имѣю намѣреніе поѣхать съ нимъ на праздникъ, то онъ предупредилъ меня, чтобы я не говорилъ ни съ кѣмъ о только-что имъ рассказанномъ: айны-де вообще не любятъ напоминаній о несчастныхъ и страшныхъ событіяхъ, а если бы случилось, что я начну спрашивать объ этомъ у родныхъ утонувшихъ, то не только причиню боль и безъ того опечаленнымъ людямъ, но вооружу ихъ противъ себя и едва ли что-либо смогу затѣмъ отъ нихъ узнать.

На слѣдующій день пара лошадокъ, запряженныхъ въ тряскую простую телѣгу, занятую у мѣстнаго поселенца, везла насъ къ мѣсту, куда стекались въ это время айны со всего острова и пѣшкомъ и на лодкахъ. Кромѣ Уссайро, согласившагося быть на праздникъ моимъ переводчикомъ, на телѣгу забралась и жена его, наряженная въ новую одежду изъ рыбьей кожи и опоясанная тяжелымъ ремненнымъ поясомъ, съ мѣдными ажурными бляшками и кольцами.

Съ Уссайро мы познакомились еще за 7 лѣтъ до настоящей поѣздки.

Уссайро былъ не только дѣльнымъ среди своихъ сородичей охотникомъ. Онъ однимъ изъ первыхъ научился у сосѣдей-русскихъ полевому хозяйству и сажалъ уже нѣсколько лѣтъ картофель, снѣлъ по пуду или два пшеницы и любилъ держать лошадей. Подвыпивши, что случалось съ нимъ нерѣдко, онъ имѣлъ страсть кататься зимою въ саняхъ, а лѣтомъ верхомъ. Проѣзжая по русскому поселку, онъ кричалъ, пѣлъ и шатался, подражая поселенцамъ и, по всей вѣроятности, полагая, что это—главная примѣта человѣка, умѣющаго жить съ шикомъ и по-культурному. Недавно, впрочемъ, новый надзиратель, завѣдующій полицейскою частью въ этомъ районѣ, рѣшилъ подтянуть ввѣренное его попеченію населеніе и запретилъ распѣваніе на улицѣ пѣсенъ. Задержалъ онъ разъ пьянаго Уссайро, не пожелавшаго внять отеческимъ наставленіямъ, и посадилъ на сутки въ карцеръ. Вышелъ оттуда Уссайро уже смирнымъ и тихимъ, но съ внутреннимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что надъ нимъ совершенно насиліе и что маленькіе представители власти справедливыми быть не умѣютъ.

Незамѣтно проѣхали мы 8 верстъ разстоянія до ближайшаго русскаго поселка Дубковъ, откуда уже свернули къ сѣверу, двигаясь по дорогѣ, идущей вдоль близкаго берега Охотскаго моря.

Было уже три часа дня, когда мы подъѣзжали къ живописно расположенному между моремъ и густымъ лѣсомъ одному изъ круп-

нѣишихъ аинскихъ стойбищъ Отасану. Лай сотни собакъ, почувавшихъ насъ еще издали, заставилъ обратить въ нашу сторону вниманіе всѣхъ, кто находился въ это время на улицѣ села. Нѣсколько десятковъ дѣтей, весело прыгавшихъ и бѣгавшихъ впереди домовъ, удивленно всматривались въ нежданныхъ гостей. Затѣмъ почти всѣ съ крикомъ „нуцá áрікі“ (русскій пріѣхаль) понеслись по своимъ юртамъ оповѣстить о новости родныхъ. Черезъ минуту изъ темныхъ сѣней всего ряда домовъ стали выходить фигуры, больше женскія; стоя или медленно направляясь къ амбарамъ, оглядывали насъ, подѣзжавшихъ къ крайней юртѣ села. Здѣсь жилъ братъ Уссайро, Тамкинъ. Хотя онъ былъ и старше Уссайро, но оставилъ его править всѣмъ домомъ и хозяйствомъ отца, а самъ переѣхалъ въ Отасанъ ради жены, старая мать которой жила здѣсь и единственную дочь не хотѣла отпускать отъ себя далеко.

— Сіранкурі!—закричалъ Тамкинъ, узнавъ меня, когда я слѣзъ съ телѣги и направился къ его дому.

Тамкинъ, какъ и Уссайро, былъ знакомъ мнѣ по прежней встрѣчѣ. Но мы были съ нимъ ближе благодаря его общительности и разговорчивости. Тамкинъ имѣлъ слабость ко всѣмъ русскимъ, былъ переводчикомъ и проводникомъ у нѣсколькихъ изъ разѣзжавшихъ по округу чиновниковъ и всѣхъ своихъ друзей называлъ „сіранкурі“, т.-е. родственникъ.

Моему пріѣзду онъ очень обрадовался, отвелъ мнѣ почетное мѣсто на нарахъ рядомъ съ собою, уложилъ постель, чемоданъ и ящики мои у задней стѣнки и выгналъ всѣхъ толпившихся въ небольшой его юртѣ чужихъ дѣтишекъ, съ любопытствомъ разсматривавшихъ меня.

Спустя десять минутъ мы уже сидѣли за низкимъ небольшимъ столикомъ, поставленнымъ на нары между мною и хозяиномъ, и распивали не очень вкусный, но горячій и пріятный послѣ дороги чай.

— Все это чисто,—увѣрялъ меня Тамкинъ,—можешь пить смѣло; моя жена уже научилась подавать господамъ; у меня совершенно особая для гостей посуда, и „фамильный“ чай имѣю постоянно. Когда проѣзжаютъ „сіранкурі“ (здѣсь онъ сталъ перечислять мѣстную русскую аристократію: мелкаго торговца, надзирателя, объѣздчика и т. п.), всегда у меня останавливаются; и смотритель поселеній и мировой судья пили недавно у меня чай. Я, вѣдь, только одинъ умѣю здѣсь говорить по-русски... На будущій годъ я выстрою рядомъ русскую избу, чтобы зимою и намъ и гостямъ было теплѣе. Я умѣю, я нарочно присматривался, какъ въ Сіянцахъ строили мои старые „сіранкурі“.

Словоохотливый Тамкинъ тараторилъ безъ конца.

Гости съ сѣвера еще не явились, и празднество было отложено на нѣсколько дней, хотя всѣ приготовления клонились уже къ концу.

Въ сопровожденіи Тамкина отправился я въ домъ, гдѣ должно было произойти торжество.

Большой, приблизительно въ 16 квадр. сажень, домъ съ двумя очагами казался свѣтлѣе другихъ, мною видѣнныхъ. Обычно темныя законченныя боковыя стѣнки были обвѣшаны новыми бѣлыми цыновками. Красивый сложный темнокоричневаго цвѣта узоръ во всю длину цыновки показывалъ, что на работу эту потрачено было немало труда и такого искусства, которымъ обладаетъ не всякая женщина. Подобныя длинныя узорчатыя цыновки готовятъ спеціальныя мастерицы, родственницы дома, готовящагося къ празднику. Конечно, дѣлаютъ это онѣ даромъ, удовлетворяясь сознаниемъ, что доставили всѣмъ удовольствіе и прибавили гордости дому, сумѣвшему выступить передъ обильными и рѣдкими гостями не хуже другихъ, а, можетъ-быть, и лучше.

Сразу при входѣ въ юрту я услышалъ острый запахъ, напомнившій мнѣ винокуренный заводъ и брагу, въ первый періодъ ея броженія. Тамкинъ объяснилъ мнѣ, что запахъ издаетъ приготовляемое изъ рису „сакé“. Дѣйствительно, надъ очагомъ висѣлъ котелъ съ варившимся въ немъ рисомъ; у задней стѣны стояла русская бочка, обложенная и обвязанная сверху и съ боковъ шубами и ватными халатами. Здѣсь бродило „сакé“. У другой бочки стоялъ съ рѣшетомъ молодой парень и протиралъ вынимаемую изъ третьей бочки густую и наполовину прокисшую рисовую кашу. Жидкость собиралась въ бочку, а выжимки складывались въ посуду и разбавлялись еще разъ водой. Процессъ этотъ продолжался нѣсколько разъ, и каждый разъ получался менѣе крѣпкій напитокъ. Самый слабый назвали мнѣ „вѣдка сакé“, т.-е. водянистое сакé; оно дается только женщинамъ и дѣтямъ. Работою этою были заняты исключительно мужчины. Разбросанная на нарахъ спеціальная для „сакé“ японская лакированная посуда, подносы, палочки для поддерживанія усовъ свидѣтельствовали, что недавно происходило здѣсь пробное отвѣдываніе или угощеніе двухъ-трехъ человѣкъ готовымъ „сакé“. Пока я присматривался къ приготовленію самодѣльнаго айнскаго хмельного напитка, Тамкинъ отошелъ въ сторону, торопливо кинулъ мнѣ, что скоро вернется, и исчезъ.

Я замѣтилъ съ самаго начала, что онъ чувствовалъ себя неловко, давая объясненія. Инстинктивно я взглянулъ на двухъ лежавшихъ на нарахъ молодыхъ людей. Ворчливый тонъ разговора одного изъ нихъ видимо касался моего присутствія. Это былъ молодой человѣкъ, вошедшій въ юрту почти одновременно со мною, очень похожій на японца. На немъ были брюки и малороссійская вышитая рубашка. Волосы на головѣ были подстрижены подъ гребенку, борода была сбрита, и только надъ верхнею губой чернѣлся пушокъ отрастающихъ усовъ. Недовольство было написано на его лицѣ даже тогда, когда онъ молча проходилъ мимо меня и демонстративно небрежно

улегся на нарахъ. Хозяинъ дома, которому я былъ представленъ, 40-лѣтній мужчина, широкоплечій, съ большой головой, окладистой черной бородой и немного вьющимися волосами, надавшими сзади почти до плечъ, вышелъ незамѣтно для меня.

Я взглянулъ на женскіе углы, что ближе къ дверямъ, и замѣтилъ сидѣвшихъ на полу пожилыхъ женщинъ; онѣ плели изъ сухой плоской осоки, называемой „орікон“, небольшіе мѣшечки, которые должны привязываться къ поясу изъ той же осоки, украшенію медвѣдя въ день его убіенія. Нѣсколько другихъ помоложе было занято растираніемъ въ деревянномъ корытѣ сваренныхъ клубней растенія „hax“—*Fritillaria kamtschatensis*.

Чувствуя натянутость, уклончивые взгляды со стороны всѣхъ присутствовавшихъ въ юртѣ, я нашелъ лучшимъ ее покинуть и отправился искать запропащавшаго Тамкина. Нашелъ я его около его дома за работою. Онъ налаживалъ къ низкимъ столбамъ новыя жерди, къ которымъ привязываютъ собакъ. Тамкинъ не далъ мнѣ никакихъ объясненій и настаивалъ только, что надо пойти въ гости и познакомиться съ хозяиномъ медвѣдя, живущимъ въ крайнемъ маломъ домикѣ. Въ виду тѣсноты помѣщенія праздникъ устраивался въ просторной юртѣ родственника.

Съ небольшими подарками отправился я въ указанное мнѣ жилище. Оно было совершенно ново, выстроено весною послѣ гибели артели охотниковъ изъ ближайшаго, въ 4 верстахъ къ сѣверу расположеннаго с. Мотоманай. Послѣднее было заброшено, и оставшіяся семьи переселились въ Отасанъ. Одна изъ нихъ построила себѣ юрту на краю села, въ которую я только-что вошелъ.

Меня встрѣтилъ высокій, ровно и гордо державшійся пожилой человекъ лѣтъ 55. Лицо его было испещрено веснушками, но розовый цвѣтъ щекъ, большіе добрые глаза, спокойствіе, которымъ отъ него вѣяло, сразу располагали къ нему, и мы съ перваго момента знакомства стали друзьями.

Я слышалъ уже про этого всѣми уважаемаго Текунку-цаца (старикъ). Указывали мнѣ на него айны, какъ на примѣръ человека, который до старости правитъ двумя домами. Женившись на богатой, онъ сталъ во главѣ дома жены, такъ какъ братъ ея оказался неспособнымъ быть самостоятельнымъ хозяиномъ. Но Текунка въ своей семьѣ былъ старшимъ, и, хотя онъ и проживалъ меньше времени при своей роднѣ, но все-таки общее управленіе всего дома было въ его рукахъ. Такъ какъ всѣ мужчины этой семьи погибли, то сейчасъ же былъ вызванъ изъ сѣверныхъ селеній еще оставшійся въ живыхъ одинъ племянникъ, и общими усиліями была выстроена новая малая юрта. Хозяиничать въ ней долженъ былъ этотъ племянникъ, сухощавый, съ небольшими бѣгающими глазами, извѣстный *шаманъ*, сидѣвшій теперь рядомъ со мною.

Оба, и онъ и старикъ, были заняты пересмотромъ лакированной посуды: чашекъ, подносовъ, палочекъ съ разнообразною рѣзьбою, употребляемыхъ для питья „сакé“. Тряпочками перетирали они каждую вещь и поглядывали на низъ наружной стороны, гдѣ были особые знаки, вырѣзанные ножомъ. Для всего количества гостей не хватаетъ посуды, имѣющейся въ одномъ домѣ, и въ такихъ случаяхъ занимаютъ посуду у сосѣдей; иногда собираютъ со всѣхъ домовъ села, и каждый хозяинъ помѣчаетъ разными знаками свои вещи, чтобы потомъ легче было разобрать и избѣжать недоразумѣній.

Новый молодой хозяинъ узнавалъ одновременно и исторію каждой вещи. Старикъ, иногда только задумавшись и повертѣвъ нѣкоторое время чашку или палочку и сравнивъ ее съ другими, отвѣчалъ на разспросы племянника. Большею частью онъ получалъ объясненія безъ замедленія. Такъ, оказалось, одна чашка была привезена съ западнаго берега прабабушкой старика, откуда послѣдняя была родомъ; двѣ чашки были получены дѣдомъ вмѣстѣ съ саблею и другими вещами, какъ штрафъ за обиду, нанесенную айномъ сосѣдняго села; четыре болѣе новыхъ однообразныхъ чашки были куплены отцомъ старика у японцевъ въ годъ, когда они въ первый разъ стали ловить рыбу на восточномъ берегу; одна изящная чашка, хотя и старая, была вымѣнена самимъ теперешнимъ главою семьи на собаку, на которую очень зарился старикъ изъ одного южнаго селенія. Прочія имѣли тоже свою точную родословную, какъ и палочки для поддерживанія усовъ (ікуніс), на которыхъ были вырѣзаны рыбы, птицы, животныя или горы, облака, цвѣты, а то одни незатѣйливые айнскіе узоры.

Когда всѣ вещи были пересмотрѣны, ихъ положили обратно въ большой „сіндого“, покрашенный гнутый лубокъ цилиндрической формы, стоявшій у задней стѣны дома, на низкой полкѣ, замѣняющей нары.

Насчитали всего 20 чашекъ, которыхъ было достаточно на 40 чел., такъ какъ при питьѣ „сакé“ одна чашка дается на двоихъ сидящихъ рядомъ гостей. Конечно, этого количества было мало, и намѣчены были сосѣди, къ которымъ нужно обратиться съ займомъ.

Сидѣвшая на хозяйскомъ мѣстѣ у огня сухощавая женщина среднихъ лѣтъ медленно поднялась со своего мѣста, покопалась нѣкоторое время въ женскомъ углу, что ближе къ дверямъ, и вынесла оттуда небольшой „сіндого“.

Старикъ, которому она его подала, заглянулъ лишь внутрь и отодвинулъ.

— Это уже ваше женское дѣло, — сказалъ онъ; — за своими чашками должны слѣдить сами, и намъ нечего въ это вмѣшиваться.

Я задержалъ на минутку лубокъ и увидалъ въ немъ нѣсколько десятковъ такихъ же лакированныхъ чашекъ, только меньшаго размѣра. Отличіе этой женской посуды отъ мужской заключалось еще и въ томъ, что внутри чашекъ не было ни рисунковъ ни разноцвѣтныхъ бордю-

ровъ, а всѣ онѣ были выкрашены однообразно въ красный цвѣтъ. Чашки эти и назывались „ітангі“, а мужскія—„тукі“.

Заговорилъ я со старикомъ о шкурѣ медвѣдя, желая сторговать ее теперь же по просьбѣ одного знакомаго изъ Корсаковска, но получилъ отвѣтъ, что до убіенія медвѣдя и окончанія праздника нельзя и говорить о продажѣ. Въ это время вбѣжавшія дѣти вызвали старика и его племянника въ сосѣдній домъ, гдѣ приготавлилось „сакѣ“. Они извинились и вышли, а я, послѣдовавъ ихъ совѣту, сталъ присматриваться къ работѣ суетившихся женщинъ. Ихъ было не менѣе десяти. Изрѣдка онѣ говорили между собой тихимъ голосомъ, не видно было улыбки на лицѣ, и пережитое, но незабытое горе носилось еще въ юртѣ.

Молодая красивая дѣвушка плела поясокъ изъ сушеныхъ съѣдобныхъ стеблей борщевки, называемой „сітуру кінá“. Другая постарше сплетала въ толстую косу пучокъ тонкой мягкой травы, которую айны кладутъ въ обувь вмѣсто портянокъ. Траву для обуви называли мнѣ „ці-оѣке мун“, а плетенку— „ці-оѣке кінá“.

Двѣ женщины среднихъ лѣтъ съ дѣтьми на колѣняхъ нанизывали на нитки изъ крапивы сушеные клубни „нах“, т.-е. сараны— *Fritillaria kamtschatensis*, и круглые „тома“— *Corydalis ambigua*, которое на Сахалинѣ въ просторѣчій называютъ дикою картофлей. Каждаго изъ этихъ корней надо было приготовить по 5 связокъ.

Все это вмѣстѣ съ пучкомъ сушеной горбуши и однимъ фунтомъ маньчжурскаго табаку, которые уже лежали на нарахъ, нужно было уложить и завернуть въ небольшую сдѣланную изъ травы цыновочку, привязанную къ малой травяной лямкѣ.

Эту ношу унесетъ душа убигаго медвѣдя съ собой, уходя отъ людей къ своимъ родителямъ.

У самыхъ дверей, у большого корыта, сидѣли на полу двѣ женщины. Одна растирала пестикомъ варенныя корни „нах“, а другая время отъ времени подливала въ то же корыто изъ другой посуды бѣловатую жидкость. Въ этой посудѣ на днѣ лежалъ кусокъ бѣлой жирной глины, встрѣчающейся мѣстами на Сахалинѣ. Доливая туда немного воды и болтая ее палочкой, женщина получала нужную бѣловатую жидкость. Она была совершенно прѣсная, безвкусная, но, съдобренная кореньями и ягодами брусники, давала одно изъ любимыхъ блюдъ, предлагающихся въ торжественныхъ случаяхъ. Блюдо это носитъ названіе „той-уѣ“, т.-е. помазанное землею. Съ другой стороны дверей пожилая женщина съ помощью дѣвочки приготавливала въ корытѣ немного поменьше блюдо „нубі“: смѣшивала бруснику съ клубнями „нах“ и заливала верничьимъ жиромъ.

На нарахъ хозяйка дома высыпала изъ мѣшечковъ большіе сушеные луковичные клубни растенія „кіу“, которые должны были вариться съ рисомъ и дать блюдо, называемое „ерáпаѣ“. Окликнутая

женщиною, сидѣвшею у огня и слѣдившею за котелкомъ, висѣвшимъ надъ очагомъ, хозяйка сняла котель и стала ложкою вынимать уже сваренные круглые клубни „тома“, которые потомъ залили керпичнымъ жиромъ.

Приготовление традиціонныхъ праздничныхъ блюдъ было въ полномъ разгарѣ. Дѣтишекъ, отворявшихъ двери, не выпускали, — приказывали имъ играть на дворѣ и не мѣшать; оставались только тѣ, что требовали еще материнскаго ухода. Одного изъ нихъ, накормивъ грудью досыта, мать отдала 10-тилѣтней дѣвчкѣ, привязавъ ребенка къ ея спиѣ. Маленькая нянька съ серіознымъ лицомъ и гордымъ сознаниемъ исполняемой обязанности вышла, чтобы присоединиться къ весело рѣзвившейся толпѣ дѣтей.

Закончивши осмотръ, я вышелъ изъ юрты.

Прохаживаясь вдоль ряда построекъ и присматриваясь къ улыбавшимся, но большею частью нематымъ лицамъ бѣгавшихъ дѣтишекъ, я замѣтилъ, что у нѣкоторыхъ были вереда или гнойная сыпь на лицѣ, другіе имѣли обвязанные тряпками пальцы. Я рѣшилъ заняться лѣченіемъ и, подойдя къ женщинѣ, пришедшей успокоивать расплакававшегося мальчугана съ лицомъ въ стружьяхъ, спросилъ, не надо ли ей лѣкарства, но получилъ лишь короткій печальный отвѣтъ: „копейка ісям“, т.-е. нѣтъ денегъ. На Сахалинѣ медицинскую помощь оказываютъ даромъ, но отдаленныя отъ центральныхъ пунктовъ мѣста находятся на попеченіи фельдшеровъ и перевязчиковъ. Они-то и приучаютъ населеніе къ „благодарности“ за всякое лѣкарство. Я успокоилъ женщину, что мнѣ денегъ платить не надо, и поспѣшилъ вынести свою походную аптечку. День былъ ясный. Я расположился на дворѣ, окруженный толпою любопытныхъ ребятъ. Нѣсколько бойкихъ мальчиковъ, закричавъ: „кусурі репкајн!“ (лѣкарствъ много!), побѣжали сообщить о новости своимъ матерямъ. Пока я дѣлалъ перевязки, прикладывая послѣ обмытія чистую вату и обвязывая свѣжими бинтами, заклеивалъ вереда пластырями и смазывалъ золотушные стружья очищеннымъ рыбьимъ жиромъ, количество окружавшихъ меня женщинъ съ ребятами увеличивалось. Я слышалъ шопоты „јај, атај сах“ (такъ, даромъ, безъ платы) и долженъ былъ осматривать пододвигаемыхъ ко мнѣ ближе дѣтей разнаго пола и возраста. Я былъ крайне удивленъ, увидавъ рядомъ съ собою молодого айна, ворчавшаго по поводу моего присутствія въ большой юртѣ. Онъ просилъ для своего брата лѣкарства отъ зубной боли.

Уже темнѣло, когда я кончилъ пріемъ больныхъ; не всѣмъ, конечно, я былъ въ состояніи помочь, но въ этотъ вечеръ сближеніе съ населеніемъ стойбища было сдѣлано, и дружба наша потомъ лишь закрѣплялась.

Къ чаю я пригласилъ почтеннаго хозяина праздника. Онъ явился не одинъ, а со своею дочерью и ея мужемъ, оказавшимся тѣмъ же молодымъ съ бритымъ лицомъ айномъ.

Бесѣда наша кончилась тѣмъ, что и старикъ и его зять обѣщали мнѣ сдѣлать разныя вещи для собираемой мною этнографической коллекціи, а пока выбрали кое-что изъ привезенныхъ сюда товаровъ и взяли въ долгъ, чѣмъ окончательно уже подтвердили, что между нами завязались тѣсныя пріятельскія отношенія.

Послѣ ихъ ухода Тамкинъ по секрету объяснилъ мнѣ причину предыдущаго недовольства молодого Кантаро (такъ называли ушедшаго). Онъ былъ сыномъ родового старшины, который, однако, потерялъ теперь вѣсъ и вліяніе благодаря отсутствію сильнаго характера и очень некрасивой исторіи съ роднымъ отцомъ, желавшимъ даже лишить его наследства, но уступившимъ передъ смертью просьбамъ родныхъ. Кантаро мечталъ о возстановленіи престижа своей семьи и всегда охотно оказывалъ услуги русскимъ властямъ. Такъ, въ послѣднее лѣто онъ уступилъ свою юрту каторжнымъ, которые ловили рыбу для казенныхъ нартовыхъ собакъ. Неоднократно возилъ даромъ по берегу надзирателя, когда тотъ ѣздилъ дѣлать обычную ежегодную перепись. Передъ этимъ праздникомъ Кантаро отправился къ смотрителю поселеній просить разрѣшенія купить на праздникъ спирту. Но начальникъ, не зная его въ лицо и будучи не въ духѣ, прогналъ его, выругавъ еще, что онъ путаетъ, вретъ, желая получить спиртъ не на то село, отъ котораго будто бы явился представителемъ. Этимъ пріемомъ начальника, отъ котораго рассчитывалъ получить благодарность, такую совершенно незаслуженною грубостью и несправедливостью Кантаро былъ такъ обиженъ, что и теперь, спустя двѣ недѣли, не можетъ прійти въ себя. Онъ все увѣряетъ, что японскіе начальники никогда такъ не поступаютъ съ людьми, отъ нихъ зависящими. А онъ знаетъ хорошо японскіе порядки. Онъ пробылъ у своего родственника айна на о. Хоккайдо почти цѣлый годъ. Тамъ онъ подстригся по-японски и съ этого времени уже не любитъ старой айнской прически.

— Для меня, — продолжалъ Тамкинъ, усилившій гдѣ-то немного выпить, — всѣ начальники хороши; я знаю, какъ съ ними надо обходиться, когда можно съ ними говорить и когда надо обождать. Но отасанскіе не очень уважаютъ русскихъ. 5 лѣтъ назадъ здѣсь былъ пожаръ лѣса, и все село выгорѣло. Просили пособія, проѣзжалъ тогда какъ разъ самъ губернаторъ и обѣщалъ помочь погорѣльцамъ. Но прошло уже 5 лѣтъ, и ни копейки они не получили. А поселенцы все рассказываютъ, что деньги пришли, но мѣстное начальство утаило ихъ.

Дальнѣйшая бесѣда наша была прервана вошедшимъ подросткомъ, который позвалъ Тамкина дѣлать „інау“ — заструженные палочки, служащія украшеніями и жертвоприношеніями, а меня пригласилъ отъ имени старика-хозяина поглядѣть на начавшіеся танцы. Пляска, не очень продолжительная, происходила ежедневно со дня начала первыхъ приготовленій къ празднику, а именно: когда начали плести поясъ, стружить „інау“ и варить „сакѣ“. Когда мы под-

ходили къ дому, гдѣ происходили танцы, до насъ стали долетать ритмическія топанья ногъ и странное гудѣнье голосовъ, прерываемое иногда какимъ-либо рѣзкимъ выкрикомъ. Я на минуту остановился и сталъ прислушиваться къ этому своеобразному шуму. Тамкинъ объяснилъ мнѣ, что это „hećiri haу“—крикъ пляшущихъ.

Войдя въ юрту, я увидалъ по правую сторону отъ входа два двигавшихся круга—мужской и женскій. Въ каждомъ изъ нихъ было по 8 человѣкъ, тѣсно прижавшихся другъ къ другу. Мужчины плясали ближе къ задней стѣнѣ, между нарами и очагомъ, а женщины—между очагомъ, нарами и переднею стѣной. И тѣ и другіе хлопали въ ладони, отбивая тактъ. Одновременно съ хлопаньемъ всѣ слегка присѣдали и затѣмъ, подпрыгнувъ, передвигали лѣвую ногу, а выпрямляясь—ставили правую ногу рядомъ съ лѣвой. Лица у всѣхъ были обращены въ сторону сосѣда по правую руку. У нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ глаза были закрыты. Каждый изъ плясавшихъ выкрикивалъ какой-то горловой звукъ, иногда рѣзко гортанный; по временамъ мнѣ казалось, что я слышу ворчанье дикихъ животныхъ во время ихъ кормленія въ зоологическомъ саду.

Тщетно я старался прислушаться и отличить, что именно испускаютъ изъ мощныхъ своихъ гортаней увлекшіеся танцоры. Сливались звуки самые разнородные, такъ какъ каждый выкрикивалъ свое. Мнѣ объяснили потомъ, что кругъ раздѣленъ пополамъ, и во главѣ четверки есть запѣвала. Онъ первый подаетъ голосъ; этотъ звукъ повторяетъ его сосѣдъ, а затѣмъ по-очереди два слѣдующихъ человѣка; но въ это время запѣвала уже кричитъ что-то другое, и во всякій данный моментъ звукъ, издаваемый каждымъ изъ четырехъ въ кругѣ, иной. Бываетъ, что другая четверка не придерживается того же, что поетъ первая, и тогда разноголосица получается еще бѣльшая.

Мнѣ удалось записать потомъ нѣсколько мужскихъ и женскихъ танцевальныхъ пѣсенъ. Онѣ состоятъ изъ звуковъ, не имѣющихъ значенія. Такъ, напр., мужскія пѣсни:

1)	naō	hećeŷ	mm
	vjaō	hōpō	mi
	veja	hōpō	mm
	veō	hećeŷ	mm
2)	ōnive	apo	ehm
	"	"	"
	"	āpāhe	"
	"	āpāhō	"
	"	heēhe	"
	"	hiōhā	"
	"	āpāhō	"

Женскія:

1)	індіры	кѡкѡтѣ	мм
	індірыва	"	"
	індірыѣ	кѡкотѣ	"
	індірыја	"	"
	індірива	"	"

Въ это же время другая четверка по-очереди издаетъ такіе звуки:

ehm	hym	hăy
"	"	haj
"	"	hăy
"	"	"
"	"	hej
"	"	hăy.

Или, напр.:	2)	paŋaá	háa	yvoŋá	paŋaá
		yvoa	paŋaá	yvoŋó	paŋaá
		ieé	"	iěhá	"
		yvoŋa	"	iehé	"
	3)	ántata	hijó	happ	hijó
		"	"	"	"
		"	hŷöý	"	"
		"	hiere	"	"
		"	huaná	"	"
		"	hiere	"	"
	"	hieí	"	"	
	"	hōpp	"	"	
	"	huana	"	"	

По временамъ запѣвалы направлялись перпендикулярно къ кругу, и всѣ мѣняли мѣста такъ, что слѣдующіе за первымъ танцоры стояли не по правую его руку, а по лѣвую. Тогда кругъ двигался направо, и при присѣданіи выбрасывались въ сторону правыя ноги. Движеніе въ обратную сторону и для айновъ менѣе удобно, и пляска направо тянулась у женщинъ и мужчинъ недолго; не прекращая пѣнія и только шагая въ тактъ вмѣсто прыжковъ, они опять принимали первоначальное положеніе и кружились влѣво.

Женщины дѣлали по 15 прыжковъ въ каждыя 10 секундъ, тогда какъ мужчины въ то же время дѣлали только 10: у нихъ прыжки больше, присѣданія глубже, крики рѣже, но громче.

Приблизительно послѣ получасовой пляски наступалъ отдыхъ. Усталые танцоры, вытирая съ лица потъ, садились тутъ же въ кружокъ на полъ и вели между собою бесѣду; просили, чтобы имъ подали воды напиться; нѣкоторые вставали и выходили на дворъ освѣжиться.

Въ кругѣ мужчинъ преобладали молодые, и только запѣвалами были среднихъ лѣтъ бородатые айны,—очевидно, уже опытные и славившіеся какъ знатоки пѣсенъ. Всѣ 8 мужчинъ были спеціально приглашены хозяиномъ для танца на весь праздникъ. Они приняли обязательство быть всегда на своемъ посту, не напиваться и слѣдить, чтобы неполнаго круга не было. Я неоднократно затѣмъ видѣлъ, что ихъ замѣняли разные гости, но сами они и тогда далеко не уходили и ждали, не пройдетъ ли охота плясать у гостя, и, какъ только онъ выходилъ изъ круга, становились на свое прежнее мѣсто.

Изъ женщинъ плясали больше старыя. Въ халатахъ изъ рыбьей кожи, съ поясами, украшенными мѣдными бляшками и всякими кольцами, онѣ прыгали такъ же быстро и долго, какъ и находившіеся рядомъ въ кругѣ молодыя дѣвушки. Есть и между ними страстныя плясуньи, которыя входятъ въ азартъ и пляшутъ, казалось бы, безъ устали. Женскій кругъ обновлялся очень часто. Здѣсь спеціально назначенныхъ танцовщицъ не было. На женщинъ можно больше положиться. Если какую-либо звали къ дѣтямъ или домой, то всегда находилась такая, которая ее тотчасъ же замѣняла. Въ кругѣ не разъ видѣлъ я и женщину съ ребенкомъ за пазухой. Это не мѣшало ей прыгать съ нимъ, хотя бывали случаи, что не очень нравилась эта тряска малому существу. Ребенокъ подымалъ плачь, визгъ, и мать должна была прекратить пляску или отдавала ребенка какой-либо дѣвчкѣ, которая уносила его прочь изъ юрты.

Въ этотъ день танцы шли вяло, гостей было мало, пить „сакѣ“ никому не давали. Надо было только отбыть повинность, поплясать, пока шли приготовления къ празднику.

Нѣсколько человѣкъ, и въ томъ числѣ Тамкинъ, сидя на полу, стружили кривыми ножами ивовыя палочки, дѣлая такъ наз. „інау“. Заструживаніе начиналось съ середины палки и заканчивалось нѣсколько не доходя до верхушки. Получались длинныя, тонкія и узкія вьющіяся ленты. Нѣсколько такихъ лентъ, скрученныхъ вмѣстѣ, образовывали какъ бы косы, падавшія со всѣхъ сторонъ вокругъ образовавшагося подъ стружками тонкаго стержня. Другая нетронутая половина обрѣзывалась, и палка становилась короче и книзу заостренной. Такихъ „інау сапá“ (т.-е. голова інау) надо было заготовить 60, и сегодня заканчивали ихъ выдѣлку. Тамкинъ, какъ искусный мастеръ во всякой работѣ ножомъ и топоромъ, сидѣлъ за болѣе сложными двумя „інау“ съ серезками, съ перекладинами и падающими отъ нихъ лентами. Эти два должны были пойти на высокій вилообразный столбъ, къ которому привяжутъ медвѣдя передъ его убіеніемъ. Тамкину подала женщина мѣшечекъ съ брусникой, которою онъ потомъ покрасилъ нарасно нѣкоторыя мѣста самаго важнаго „інау“.

Старикъ-хозяинъ и еще нѣсколько человѣкъ добавляли свѣжія скрученныя изъ тонкихъ лентъ ивоваго дерева веревочки къ старымъ

наушникамъ для медвѣдя и къ закопѣлымъ продолговатымъ пучкамъ, обмотаннымъ сдѣланными въ прежніе годы такими же ивовыми веревочками. Заглянуть туда внутрь пучка мнѣ не позволили, да и трудно было бы что-либо увидеть, — такъ густъ былъ слой веревочекъ. Потомъ мнѣ сказали, что это — талисманы, и у каждой семьи могли быть другіе: птицы, куски рѣдкаго дерева, изображеніе медвѣдя и т. п.

Сегодня же приготовили лукъ, которымъ будутъ стрѣлять въ медвѣдя, и осмотрѣны три стрѣлы, предназначенныя для него же.

Все это уложили у задней стѣны, на низкой полкѣ, близъ угла, гдѣ складываются драгоценности и гдѣ стоятъ „інау“ въ честь бога-хранителя дома.

Двѣ женщины заканчивали обшивку кусками темной матеріи концовъ сплетеннаго изъ травы четырехграннаго пояса въ 2 сажени длиною.

Было близъ полуночи, когда старый Текунка, сидѣвшій на хозяйскомъ мѣстѣ у огня, оглядѣвъ всю юрту, громко объявилъ всѣмъ: „юс ѣмака!“ (довольно, конецъ!).

Танцоры закончили пляску. Настала тишина; слышны были лишь храпъ нѣкоторыхъ заснувшихъ на нарахъ взрослыхъ мужчинъ и хлопанье дверьми расходившихся по домамъ людей. Тамкинъ, поднявшись, собралъ всѣ упавшіе стружки и куски дерева на цыновку, на которой онъ сидѣлъ, и бережно вынесъ, какъ и другіе, на дворъ къ тѣмъ „інау“, что стояли сзади дома. Старья, специально служащая для стружки на нихъ „інау“ цыновки изъ травы были внесены обратно и бережно уложены на полку.

Я хотѣлъ уже прощаться и уходить. Но мнѣ и Тамкину предложили выпить свѣжаго „сакѣ“, чтобы опредѣлить, готово ли оно или, можетъ-быть, недостаточно еще перебродило.

Нѣсколько лакомыхъ до „сакѣ“ стариковъ, знавшихъ, что проба его должна была состояться, и потому не торопившихся уходить домой, сняли у порога сапоги и, повернувшись къ огню, усѣлись парами спиною къ задней стѣнѣ. За ними сѣлъ Тамкинъ, тоже безъ сапогъ, какъ того требуетъ обрядъ питія божественнаго напитка. Передъ каждымъ двумя гостями былъ поставленъ подносъ и на немъ одна лакированная чашка съ положенною на нее палочкой шириною въ 2 пальца и длиною въ 6—7 вершковъ. Молодой парень особымъ лакированнымъ чернакомъ зачернулъ изъ бочки „сакѣ“ и налилъ въ такую же посуду съ ручкой, а затѣмъ подошелъ къ сидѣвшимъ и ждавшимъ угощенія старикамъ. Одинъ изъ каждой пары, тотъ, что считалъ себя помоложе или пониже по значенію, бралъ лѣвою рукою чашу, а правою поднималъ вверхъ палочку. Когда чаша была полна, то клалъ на нее палочку обратно и затѣмъ подавалъ эту чашу, держа ее обѣими руками, своему сосѣду. Тотъ съ важностью принималъ чашу и поднималъ ее до уровня лица, въ знакъ благодарности, а подававшій, въ

отвѣтъ, отдавалъ сокращенное привѣтствіе—гладилъ обѣими ладонями свою бороду. Движенія все были медленныя, торжественныя. Получившій чашу не сразу выпивалъ ее. Онъ бралъ правою рукою за кончикъ палочки, проводилъ послѣднею нѣсколько разъ надъ чашею, затѣмъ клалъ палочку обратно и вновь поднималъ чашу вверхъ; это означало благодарность богамъ за данную ими возможность вкусить дорогого нектара. Взявъ, наконецъ, палочку и придерживая ею усы, чтобы не сильно макались въ жидкость, старикъ выпивалъ чашу до дна, а затѣмъ указательнымъ пальцемъ вычищалъ ее отъ остатковъ густого „сакэ“ и облизывалъ его. Когда это было кончено, чаша ставилась обратно на подносъ. Виночерпій тотчасъ же подходилъ и наливалъ въ ту же чашу вторично. Теперь только-что выпившій подавалъ чашу спокойно ждавшему своей очереди сосѣду, и, обмѣнявшись ролями, они продѣлывали ту же самую церемонію.

„Сакэ“ признали еще немного слабымъ; поэтому, бочку вновь окутали сверху и съ боковъ собачьими шубами и ватными японскими халатами, послѣ чего все разошлись.

На другой день утромъ мы узнали, что давно ожидаемый спиртъ былъ привезенъ поздно ночью изъ п. Корсаковска. Пришелъ также изъ Серароко посланецъ съ извѣстіемъ, что прибыли туда все, кто только могъ явиться изъ сѣверныхъ селеній. Праздникъ былъ назначенъ на завтрашній день. Сегодня разсылались гонцы въ ближайшія селенія, чтобы оповѣстить о выбранномъ уже срокѣ, а также чтобы еще разъ передать приглашеніе болѣе почтеннымъ старикамъ. На югъ еще чуть свѣтъ отпраздничали двое молодыхъ людей. На сѣверъ собирался поѣхать верхомъ Уссайро. Такъ какъ у него было двѣ лошади, то онъ былъ радъ даже моему предложенію взять меня съ собою.

Сейчасъ же послѣ чаю мы вскочили на маленькихъ лошадокъ и рысцою выѣхали изъ села. Скоро мы подѣхали къ стоявшей на берегу моря русской недоконченной избѣ. Уссайро, до сихъ поръ весело болтавшій со мной, совсѣмъ замолчалъ и только изподлобья кидалъ косые взгляды на зданіе и окрестности.

— Это и есть Мотоманай, о которомъ я тебѣ говорилъ еще дома,— печально проговорилъ Уссайро, когда я спросилъ, что это за изба.

Я захотѣлъ осмотрѣть покинутое селеніе, въ которомъ такъ недавно разыгралась трагедія теперь знакомыхъ мнѣ людей. Уссайро не перечилъ, но самъ за мною не послѣдовалъ, обѣщая подождать внизу у моря. Когда я въѣхалъ на возвышеніе, то сейчасъ за русскою избой, выстроенною погибшими въ морѣ жильцами этого стойбища, я увидалъ наполовину уничтоженную большую аинскую юрту. Замѣтно было, что разрушеніе было произведено умышленно, такъ какъ юрта, ея крыша и стѣны были еще крѣпки и не носили слѣдовъ старости. Часть крыши была сорвана, двери выломаны, внутри пары и

полки развалены. Кругомъ валялись разбитыя хозяйственныя вещи. Все это принадлежало утонувшимъ и, по обычаю айновъ, должно было быть заброшено. Пользоваться такими вещами каждый считаетъ опаснымъ, чтобы не накликать на себя подобнаго же несчастья. Жена Тамкина наканунѣ еще говорила мнѣ, что у нея былъ отъ славившихся удачею мотоманайскихъ охотниковъ пузырь съ перничьимъ жиромъ. Какъ только она узнала объ ихъ гибели, она вылила весь жиръ, а пузырь разбила и выбросила.

Когда я возвратился къ ждавшему меня Уссайро, онъ ничего не сказалъ, но вздохнулъ лишь облегченно, радуясь, что мы покидаемъ, наконецъ, это мѣсто.

Желая развлечь свои невеселыя мысли или боясь, чтобы я не заговорилъ о Мотоманай и связанномъ съ нимъ событіи, Уссайро сталъ болѣе словоохотливымъ и началъ мнѣ объяснять ясно вырисовывавшіеся передъ нами силуэты скалистыхъ мысовъ.

Миновавъ два покинутыхъ русскими колонистами поселка и небольшой русской поселокъ Серароко съ телеграфною станціей и тюремнымъ складомъ, мы направились дальше къ юртамъ, расположеннымъ версты на 1½ къ сѣверу отъ Серароко.

На дворѣ передъ нѣсколькими айнскими юртами бродило—видимо, безъ всякой заботы—десятка полтора народу. Это были прѣбывавшіе съ сѣвера гости. Вышедшій мнѣ навстрѣчу сынъ хозяина пригласилъ зайти въ юрту. Мѣсто у огня, по лѣвую сторону отъ хозяина, было застлано свѣтлою, новою цыновкою. Я догадался, что оно приготовлено для меня.

Маленькаго роста сѣдой старичокъ, обросшій волосами такъ, что еле были видны лишь глаза, скрытые въ глубокихъ впадинахъ, и небольшой носъ, сидя поправлялъ на себѣ поясъ, выравнивалъ халатъ, укладывалъ въ длинномъ ящикѣ, стоявшемъ на полу у его согнутыхъ колѣней, трубки. Когда я совершенно уже усѣлся по-турецки на цыновкѣ, старикъ сдѣлалъ мнѣ торжественное привѣтствіе. Вытянувъ впередъ руки, онъ потеръ три раза одну ладонь о другую, а потомъ погладилъ руками бороду, опустилъ руки внизъ и еще разъ поднялъ ихъ до бороды. Окончивъ здороваться, онъ высказалъ мнѣ свою радость, что я посѣтилъ его бѣдное жилище, и выразилъ желаніе быть со мною въ дружбѣ.

Старый Фумка,—такъ звали хозяина,—славился своимъ умомъ, умѣньемъ жить съ людьми и гостепріимствомъ. Онъ выросъ подъ большимъ вліяніемъ японскихъ чиновниковъ и промышленниковъ, которые, до прихода русскихъ, здѣсь, въ Серароко, рядомъ съ юртами имѣли главный на восточномъ берегу постъ. Японцы обучили молодого тогда Фумку грамотѣ, и онъ еще теперь разбираетъ письмо, написанное „катаканой“. Будучи сыномъ родового старосты въ этомъ селеніи, Фумка сохранилъ за собой это званіе и не только не растра-

тиль отцовскаго наслѣдства, но и добавилъ самъ немало. Хранились все эти богатства—старыя японскія латы, сабли, ефесы, портупей, посуда лакированная—въ ящикахъ на нарахъ въ почетномъ углу. Громадная семья заготовляла массу всякой провизіи, которой хватало на круглый годъ, несмотря на то, что гости не переводились: развѣ только во время распутицы или въ рабочей сезонъ, во время лова, бывало тутъ безъ чужихъ людей.

Старшая изъ незамужнихъ дочерей хозяина подала мнѣ на подносѣ чай въ стаканѣ и отдѣльно на блюдечкахъ сахаръ и японскіе пряники.

Въ это время вошелъ и Уссайро и молча усѣлся около меня. Но уже минутой спустя онъ вскочилъ съ мѣста и, обойдя сзади меня, сталъ на колѣни передъ старикомъ, который вытянулъ къ нему обѣ руки. Уссайро протянулъ и свои, и, сжавъ другъ другу раскрытыя ладони, они потрясали отъ 8 до 10 разъ руками, и каждый вытягивалъ ихъ постепенно изъ рукъ другого. Потомъ опять брали другъ друга ладонями и продѣлали тѣ же дѣйствія второй, а затѣмъ и третій разъ. Послѣ этого исполнили еще и обычное привѣтствіе айновъ, которымъ встрѣтилъ меня старый хозяинъ. Уссайро объяснилъ мнѣ потомъ, что онъ долженъ былъ поздороваться съ Фумкой длиннымъ и болѣе сложнымъ способомъ, называемымъ „умону“, такъ какъ уже годъ не видѣлся со старикомъ. Такъ же здороваются молодой со старымъ человѣкомъ, съ которымъ впервые знакомятся.

Во время питья чаю сзади дома слышалось ворчанье медвѣдя. Оно было настолько продолжительно и такъ странно, что я вышелъ на дворъ поглядѣть на поющаго, какъ говорили айны, медвѣдя. Въ двухъ большихъ бревенчатыхъ клѣткахъ, сложенныхъ въ видѣ неплотнаго сруба, углы котораго были украшены „інау“, а крыша была придавлена тяжелыми брусками дерева, были заперты два плѣнника: въ одной ходила вокругъ стѣны большая темнобурая медвѣдица, а въ другой самецъ, лежа, глядѣлъ на свою красивую сосѣдку. Могучій хозяинъ сахалинской тайги, положивъ голову на правую лапу, держалъ послѣднюю во рту, поворачивалъ ею и издавалъ дрожащіе, нѣжные звуки, на какіе только способенъ большой увалень съ широкою пастью. Присутствіе собравшихся людей не смущало его нисколько, и онъ не менѣе 10 минутъ продолжалъ изливать свою страстную тоску по свободѣ.

Когда я вернулся назадъ допивать чай, хозяинъ спросилъ, какими показались мнѣ его медвѣди, и могу ли я представить себѣ, чтобы имъ когда-то было достаточно ошейника, висѣвшаго теперь на стѣнѣ. Это былъ небольшой обручъ изъ согнутой молодой еловой вѣтки, обмотанной винтообразно тонкими еловыми же корнями; обручъ этотъ служилъ ошейникомъ для медвѣженка, когда его вели послѣ поимки въ тайгѣ.

Хозяинъ потомъ подробно разсказалъ мнѣ о своихъ животныхъ,— предметъ его гордости. И медвѣдь и медвѣдица кормятся уже двѣ зимы, слѣдовательно—каждому 2¹/₂ года. Убить въ такое время—самое лучшее, такъ какъ у медвѣдя еще „легкій духъ“—„рам коѣне“: потомъ онъ тяжелѣетъ, скучаетъ. Бываетъ, впрочемъ, что держать айны и по три зимы. И одни только „сянта“ (ольчи на Амурѣ) кормятъ медвѣдей по 5—6 лѣтъ. Такіе медвѣди совсѣмъ дряхлѣютъ.

Если же медвѣженка принесъ изъ лѣсу какой-либо айнь впервые, то держать такого медвѣдя можно лишь одну зиму.

Никогда медвѣженка не вводятъ въ землянки, которыя дѣлали раньше почти всѣ айны Восточнаго берега. Но въ лѣтнюю избу иногда его вводятъ и дѣлаютъ клѣтку, которая устанавливается передъ огнемъ у самой задней стѣны. Всегда остается какая-либо старуха, которая ухаживаетъ за медвѣдемъ, чтобы ему не было скучно. Чаше же всего на зиму обкладываютъ клѣтку медвѣдя снопами изъ травы, уложенными въ видѣ балагана. Передняя часть его открывается, и черезъ эти двери подается медвѣдю ѣда.

Лежавшій предо мною самецъ—изъ породы медвѣдей съ легкою просѣдью, а самка принадлежала къ типу совсѣмъ черныхъ медвѣдей. Перваго старикъ купилъ малымъ медвѣженкомъ у русскихъ охотниковъ, заплативъ 16 рублей, а вторую поймалъ въ лѣсу племянникъ старика изъ сосѣдняго села Мануэ.

Теперь все труднѣе отыскивать медвѣжатъ, и не болѣе 4—8 штукъ кормится ежегодно по всѣмъ айнскимъ селеніямъ. Потому и цѣна такая высокая. (См. доп. № 40).

Хотя молодые люди, которымъ посчастливится добыть въ лѣсу медвѣженка, довольны уже одною славою и отдаютъ его обыкновенно въ домъ уважаемаго сородича, но все-таки и имъ дается небольшая традиціонная плата. Они получаютъ всегда нѣсколько сажень перпичьлго ремня, лучше—неочищеннаго отъ шерсти, и одну собаку, чаще всего суку. Когда она состарится, то ее убиваютъ, посылая посредникомъ къ богу горъ, въ случаѣ если онъ долго не посылаетъ медвѣдя владѣльцу собаки. (См. доп. № 5).

Воспитать медвѣдя стоитъ не дешево; кормить его нужно не хуже, чѣмъ ѣдятъ сами айны. Главнымъ образомъ ему даютъ рыбу, но только не любятъ онъ вахни и огуречника: отъ нихъ онъ сильно чешется. А если кормить бычкомъ, то медвѣдь вырастетъ такимъ же неуклюжимъ, какъ и эта рыба съ большою головой и малымъ туловищемъ. Что касается мяса, то можно давать медвѣдю лишь мясо нерпы и кита. Чужіе люди не обязаны помогать кормить медвѣдя, но обыкновенно изъ ближайшихъ селеній хозяева всегда присылаютъ для медвѣдя по пучку сушеной юколы горбуши. (См. доп. № 6).

Старикъ мнѣ подтвердилъ справедливость встрѣченнаго мною въ одной книгѣ объ айнахъ утвержденія, что малыхъ медвѣжатъ кормятъ

грудью женщины. Случается это крайне рѣдко и лишь тогда, когда медвѣженокъ взять совсѣмъ дѣтенышемъ. Тогда онъ такъ малъ, что его приносятъ домой, вложивъ въ рукавицу. Кормилицей выбираютъ пожилую женщину, которая не кормитъ дѣтей и не надѣется имѣть ихъ, но у которой еще имѣется въ груди молоко. До 6 мѣсяцевъ продолжается кормленіе медвѣженка грудью. За все это время женщина не прикасается къ женскимъ работамъ: она не варитъ, не рѣжетъ пожомъ ѣды, не шьетъ. На праздникъ она не ѣстъ мяса воспитаннаго ею медвѣдя.

Медвѣженка, пока онъ малъ, держать въ юртѣ, у задней стѣны. Когда его вводятъ въ юрту, то женщины плачутъ въ знакъ привѣтствія, мужчины дѣлаютъ ему „інапкахты“, какъ человѣку. Созываются гости, и угощаютъ ихъ сакѣ. Когда медвѣженокъ уже подрастетъ, его переводятъ въ клѣтку. Айнамъ извѣстны случаи, хотя и крайне рѣдкіе, когда медвѣженку удавалось вырваться изъ почетнаго плѣна.

Послѣ первой зимы, весною, айны подпиливаютъ медвѣженку всѣ 4 клыка. (См. доп. № 46).

Сосѣди айновъ, гиляки и ороки, этого не дѣлаютъ. Айны объясняютъ, что такое подпиливаніе равносильно для самки татуировкѣ губъ у айнскихъ женщинъ, а для самца — бритью передней части головы у мужчинъ. Послѣ окончанія процесса подпиливанія, обуглившаяся полѣшкою чернятъ спиленные зубы. Острейя клыковъ завязываются въ стружки и привязываются къ „інау“, что стоятъ въ четырехъ углахъ медвѣжьей клѣтки.

Нерѣдко бываютъ случаи, что медвѣдь заболѣваетъ и доставляетъ немало хлопотъ хозяевамъ. Поэтому на правильное кормленіе обращаютъ большое вниманіе. И всегда поручается это пожилой, опытной женщинѣ, носящей ежедневно кормъ въ узкомъ корытцѣ и слѣдящей за аппетитомъ и даже слабыми признаками нездоровья воспитанника. У старика оба медвѣдя переболѣли. Около ихъ клѣтокъ стоятъ низкіе „інау“ съ елочками за ними. Это „сеиігтэ інау“, т.-е. дѣлебные „інау“. Самецъ поправился отъ этого, но за самку пришлось долго опасаться. Она не ѣла, лежала безъ движенія и вотъ-вотъ, казалось, скончается. Все ея туловище обвязали скрученными изъ длинныхъ ивовыхъ стружекъ веревками („ціное інау“), повѣсили ей на шею пучокъ съ „інау ру“ и съ изображеніемъ медвѣдя внутри (см. доп. № 9); поставили на очагъ новое „ундзі інау“ — „інау“ богини огня, и только усиленными просьбами передъ этою защитницею айновъ удалось вернуть здоровье зачахнувшей медвѣдицѣ. Послѣ этого она ни разу не болѣла и теперь выросла больше, чѣмъ самецъ. (См. доп. № 7, 8 и 11).

Во время нашего разговора въ юрту то и дѣло входило и выходило обратно на дворъ много народу, больше женщины и моло-

дежь. Видна была суета, озабоченность, торопливость. Только-что передь моимъ прїѣздомъ кончилось утреннее угощеніе завтракомъ гостей, прїѣхавшихъ изъ разныхъ селеній Восточнаго и даже Западнаго береговъ и спѣшившихъ отправиться въ Отасанъ. Теперь готовился обѣдъ для домашнихъ; я насчиталъ 18 чел. жильцовъ въ этой большой юртѣ, включая и дѣтей. Частенько приносили свѣжихъ дровъ и подкладывали къ одному и другому очагу. Варилея рисъ, и заготовленіе „сакѣ“ шло здѣсь, въ этой богатой семьѣ, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ. Годъ на рыбу былъ очень хорошій. Бухта Серарокская, въ которой айнамъ было разрѣшено ловить рыбу (селедку и горбушу), считается одною изъ самыхъ удобныхъ для лова. Второю годъ айны ловили рыбу сами купленными у японцевъ большими морскими неводами и заработали гораздо больше, чѣмъ въ прежніе годы, когда были принуждены служить работниками у японцевъ, имѣвшихъ промысла тутъ же. Фумка, его зять, считавшійся главою айнской артели, и молодой сынъ, проворный и хорошій знатокъ управленія ставнымъ неводомъ, хотѣли выказать свою щедрость и не жалѣли риса на „сакѣ“. Женщины семьи не щадили силъ, чтобы заслужить отъ всѣхъ похвалу и признаніе, что умѣютъ хозяйничать и принимать дорогихъ гостей. Цѣлую предыдущую недѣлю онѣ были заняты сборомъ брусники и клюквы, а теперь онѣ принялись за плетеніе двухъ травяныхъ поясовъ для медвѣдей. Вчера только, согласно съ обычаемъ, могли онѣ начать эту работу, такъ какъ половина нужныхъ къ празднику „інау“ была уже готова. Въ оживленіи, въ энергіи, съ которыми совершались здѣсь даже мелкія работы, сквозило соревнованіе, скрытое желаніе показаться передь собравшимся съ разныхъ концовъ народомъ въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ дружественный, но болѣе бѣдный домъ отасанскій. Я напередъ былъ увѣренъ, что всѣ должны будутъ признать преимущества серарокскаго „ніспы“. Здѣсь я былъ еще въ первый разъ, но чувствовалъ себя свободно. На лицахъ всѣхъ видѣлъ привѣтливость, радость. Веселый смѣхъ, шутки не прекращались на другой половинѣ юрты, гдѣ молодежь двигалась, работала, зубоскалила. Старикъ и старуха, сидѣвшая у огня и слѣдившая за варкою въ чугунномъ котлѣ супа изъ рыбы, не были безучастными ко всему, что творилось въ избѣ. То и дѣло къ нимъ обращались за совѣтомъ или съ вопросомъ, и они сами окликали кого-либо, приказывали подать то или иное, сдѣлать что-либо такъ или иначе.

День прошелъ незамѣтно. Я успѣлъ познакомиться со всѣмъ селомъ. Былъ приглашенъ на обѣдъ къ зятю старика—Моимъ, жившему въ сторонѣ отъ селенія въ старомъ домикѣ, выстроенномъ еще японцами, владѣльцами прежняго богатаго промысла. Зашелъ я также въ небольшую, но замѣчательно чистую юрту, гдѣ тоже готовились къ празднику. Небольшой, но страшно злой, грызущій клѣтку и сер-

дито рычавшій медвѣдь давалъ о себѣ знать ежеминутно. Въ этой юртѣ, построенной по-русски, нашель я женщину-айнку въ русскомъ платьѣ, жену русскаго поселенца. Она пришла изъ поселка въ гости къ сестрѣ и братьямъ, жившимъ очень бѣдно, почти не имѣвшимъ собственнаго хозяйства и работавшимъ больше въ домѣ своего дяди Фумки. Это были дѣти айнки и японца, старшаго работника на промыслѣ, бросившаго уже лѣтъ 15 и жену и дѣтей. Выходя изъ послѣдней юрты, мы встрѣтили шедшаго изъ сосѣдняго селенія Мануэ айна, который самъ себя назвалъ „Коре-Коре“ или „Мака-Мака“. Это прозвище бродяги-шатуна получилъ онъ въ виду того, что не держался своего дома и всю свою молодость провелъ въ скитаніи изъ села въ село, съ промысла на промыслъ. Поэтому-то и назвали его японцы по своему „коре-коре“, а айны перевели на свой языкъ „мака-мака“. Коре-Коре говорилъ по-русски такъ же сносно, какъ и Уссайро, но былъ болѣе словоохотливъ, любилъ пошутить и до страсти, какъ я потомъ узналъ, приврать. Онъ овладѣлъ мною, тутъ же на дворѣ продиктовалъ мнѣ небольшую сказку, которую потомъ велѣлъ прочесть въ присутствіи всѣхъ въ домѣ Фумки; мое чтеніе, которое я долженъ былъ повторить нѣсколько разъ, вызвало гомерическій всеобщій смѣхъ и доставило громадное удовольствіе только слегка ухмылявшемуся Коре-Коре.

Любезная хозяйская дочь подала сейчасъ, послѣ моего возвращенія въ юрту Фумки, чай, поставивъ также на подносѣ блюдо съ отобранной крупной брусникой.

Когда мы кончали свой обходъ по селу, то солнце уже пряталось за высокую лысую гору, служившую когда-то, по преданію айновъ, жилищемъ господствовавшаго здѣсь дракона. Я заговорилъ объ отъѣздѣ, но хозяева, старые и молодые, запротестовали, уговаривая остаться до поздняго вечера, когда начнется опять отливъ и взойдетъ почти уже полная луна.

Мы остались въ гостепріимной, оживленной юртѣ. Пляски мы не дождались, такъ какъ молодежь ушла плясать и готовить „іпау“ въ малую юрту, и черезъ нѣсколько только часовъ всѣ должны были перейти въ домъ Фумки. Около 9-ти часовъ мы тронулись въ путь. Вышедшіе насъ провожать хозяева приглашали непременно пріѣхать на праздникъ, который начнется сейчасъ же по окончаніи въ Ота-санѣ, считающемся старшимъ, чѣмъ Серароко, селеніемъ и потому имѣющимъ первенство въ очереди при устраиваніи праздника.

— Завтра вечеромъ увидимся опять,—говорилъ, пожимая мнѣ руку, сынъ Фумки, пожелавшій попрощаться по-европейски.— Хотя мы заняты, но на одну ночь придемъ.

— Піріка оман! (счастливаго пути) — раздался нестройный хоръ мужскихъ и женскихъ голосовъ, когда уже лошади наши сдѣлали первые нѣсколько шаговъ.

— Піріка окажан! (счастливо оставайтесь)—крикнули мы въ отвѣтъ съ Уссаиро.

Ночью въѣхали мы въ длинное селеніе Отасанъ. Нигдѣ еще не спали. Въ юртахъ еще горѣли огни, и дымъ ровнымъ столбикомъ вился вверхъ, предвѣщая назавтра хорошую погоду.

Уже было не рано, когда я проснулся и сейчасъ же заторопился въ юрту, гдѣ собирались провести ближайшую ночь все вмѣстѣ. Тутъ уже было движеніе. Ребята еще спали на нарахъ, прикрытые ватными японскими одѣялами, но взрослые уже работали. Старикъ Текунка укладывалъ въ лямку связку листового табаку, коренья и траву для обуви, затѣмъ завязалъ въ видѣ ноши, которую понесетъ медвѣдь съ собою. Нѣсколько молодыхъ кончали завтракъ и выслушивали указанія Текунки и другого отасанскаго айна, которые объясняли, гдѣ ближе всего найти „тугусі“—виллообразное высокое дерево. Въ избу зашло двое айновъ, заявивъ, что они уже отправляются въ лѣсъ за шестью „пекере інау“, т.-е. шестью высокими „інау“, служащими для украшенія стѣнки, у которой произойдетъ убіеніе медвѣдя. Одинъ пожилой, взявъ топоръ, ушелъ, чтобы вырубить тонкое виллообразное деревцо, на которое посадятъ голову медвѣдя. А спустя нѣсколько минутъ снарядилось въ лѣсъ болѣе десяти подростковъ, которые увѣряли, что знаютъ совсѣмъ недалеко лѣсокъ, откуда принесутъ все нужныя 60 молодыхъ елочекъ.

Вся эта работа, какъ мнѣ объяснили, должна была быть исполнена всегда только наканунѣ праздника.

Послѣ чаю я вернулся опять въ эту юрту, такъ какъ Текунка обѣщаль показать мнѣ окончаніе налаживанія медвѣжьего пояса.

Въ маленькіе, въ нѣсколько квадратныхъ вершковъ, мѣшечки, сплетенные изъ травы и пришиваемые къ поясу, вкладывались разные съѣдобныя коренья и ягоды. Мѣшечковъ было 7: три—съ заостренными кончиками, обшитыми лоскутками темной матеріи, и четыре—четыреугольныхъ. Въ одинъ мѣшечекъ было положено нѣсколько мелкихъ угольковъ. Впрочемъ, число мѣшечковъ точно не опредѣлено обычаемъ, и, когда одна женщина нашла гдѣ-то завалѣвшійся мѣшечекъ, то старикъ велѣлъ и его подвязать и насыщать туда клубней „нах“ и брусники. Къ поясу привязали также наскоро сдѣланныя изъ дерева маленькія модели пожей двухъ видовъ, лыжъ и посоха къ нимъ. Кто-то возражалъ, что сейчасъ снѣгу нѣтъ и нѣтъ нужды привязывать къ поясу лыжи, но Текунка выяснилъ, что медвѣдь отправится далеко въ горы, гдѣ снѣгъ уже выпалъ, и поэтому лыжи ему пригодятся.

Вбѣжалъ мальчикъ, сынъ хозяина юрты, и сказалъ, что идетъ со стороны с. Ай много народу. Женщины, менѣе занятая или только болѣе любопытная, выбѣжали въ сѣни. Выйдя на дворъ, я увидалъ до 20 человекъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Шли они гуськомъ одинъ

за другимъ. Почти у каждаго была какая-нибудь поша на сшииъ. У нѣкоторыхъ женщинъ подъ верхнимъ платьемъ на сшииъ были привязаны грудные ребята. Мужчины несли свои праздничные халаты, изъ-подъ которыхъ видны были сабли. И у подростковъ были небольшія связки на плечахъ: каждый запасался изъ дому лишней одеждой, которою могъ бы ночью прикрыться. Вся толпа разбрелась по разнымъ домамъ. Въ праздничную юрту не заходилъ никто. Всѣмъ было понятно, что тамъ менѣе всего желательны гости, да и почевка была бы неудобна и даже невозможна.

Гости стекались понемногу съ юга и съ сѣвера весь день. Все люднѣе становилось на улицѣ у домовъ. Крикъ, дѣтскій плачь раздавался со всѣхъ сторонъ. Шныряющихъ, подпрыгивающихъ, щебечущихъ ребятъ встрѣчалъ я повсюду. Они тоже слѣдили внимательно за появленіемъ всякихъ новыхъ лицъ, объясняя мнѣ, изъ какого они были села. Доставленіе высокаго вилообразнаго столба „тугусі“, елокъ и другихъ нужныхъ палокъ вызывало у дѣтей всеобщую радость и веселые крики.

Въ большой юртѣ все шло попрежнему. Я зашелъ туда послѣ обѣда и засталъ нѣсколькихъ мужчинъ за приготовленіемъ „сакѣ“, а Тамкинъ съ тремя другими стружили послѣднія большія „інау“. Поясъ висѣлъ у задней стѣны готовый. Женщины убрали постели и одежду съ наръ, на которыхъ должны будутъ сидѣть сегодня гости. Другія вносили разныя яства и разставляли на полкахъ, которыя очищали отъ пыли двѣ старухи. Дѣвочки приносили изъ сосѣднихъ юртъ деревянные миски и ложки и разную другую посуду, необходимую для пиршества. Въ юртѣ было пыльно. На полу валялось много лохмотьевъ, кусковъ дерева. Очистка полокъ и наръ производилась основательная, и едва ли она часто повторялась въ обычное время.

Я поторопился покинуть юрту и зашелъ въ малую крайнюю, гдѣ жили хозяева праздника. Здѣсь народу было такъ много, что я еле могъ зайти и остановился лишь у входа. Всѣ почти гости съ сѣвера, отчасти родственники Тэкунки или его племянника, который женился на тамошней женщинѣ, были въ сборѣ и спокойно, молча обѣдали. У каждаго въ рукахъ была деревянная чашка съ супомъ, а рядомъ стояла фаянсовая чашка, наполненная рисомъ. Попеременно брали въ руки то чашку съ супомъ, то другую—съ рисомъ. Послѣдняя опораживалась быстро, и хозяйка, сидя у круглой съ крышкой деревянной посуды, наполненной теплымъ еще рисомъ, накладывала гостямъ новую порцію. По обычаю айновъ, за обѣдомъ не полагалось разговоровъ, и, несмотря на обиліе людей, въ юртѣ было тихо: слышно было только громкое втягиваніе супа, который айны пили прямо изъ чашекъ; иногда раздавался возгласъ гостя, протягивавшаго хозяйкѣ пустую чашку для рису: „на!“, т.-е. еще. Въ углу, у самыхъ дверей, сидя на корточкахъ въ кружокъ надъ деревяннымъ корытомъ, три

молодые дѣвушки жевали куски сушеной рыбы и выливали въ посуду. Стоявшій рядомъ со мною молодой парень объяснилъ мнѣ, что куски сушеной рыбы—это „махру“, вырѣзки изъ горбуши или кеты между костями и наружнымъ толстымъ слоемъ мяса. Супъ изъ „махру“ считается однимъ изъ лучшихъ блюдъ. Чтобы размягчить сухіе тонкіе пласты рыбы, ихъ передъ варкою разжевываютъ, и поручаютъ это молодымъ, у которыхъ крѣпкія челюсти. Такъ какъ при раскусываніи рыбы остается всегда немного слюны, то допускаютъ къ этой работѣ лишь вполне здоровыхъ дѣвушекъ.

Послышался сильный лай собакъ и затѣмъ шумъ колесъ телѣги. Предположили, что пріѣхалъ кто-либо изъ Ай. Дѣйствительно, выйдя изъ юрты, я увидать сходявшаго съ простой телѣги старика, съ которымъ уже видѣлся, проѣзжая черезъ Ай. Поручивъ лошадь попеченіямъ мальчика, старикъ сталъ крикливо здороваться со мною и громко бесѣдовать съ подошедшими айнами. Уже по одеждѣ его, по роскошнымъ широкимъ бѣлымъ вышивкамъ на синей матеріи, окаймлявшей рукава и лацканы на груди халата, по широкому, сотканному изъ разноцвѣтныхъ нитокъ поясу можно было судить, что это „ниспа“, т.-е. человѣкъ богатый, почтенный. Дѣйствительно, айскіе два брата считались первыми богатеями на весь восточный берегъ. Они происходили изъ богатой семьи. Отецъ ихъ при японцахъ былъ старостою, но поднялись они и выдѣлились изъ среды остальныхъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Младшій братъ смолоду терся около русскихъ и японскихъ начальниковъ, недавно выпросилъ себѣ разрѣшеніе на арендованіе рыбнаго промысла и, въ компаніи съ японскимъ рыбопромышленникомъ, велъ свое личное прибыльное дѣло. Постоянно ѣздилъ въ Корсаковскъ, даже въ Японіи былъ уже дважды и теперь находился тамъ гдѣ-то на водахъ, лѣчась отъ ревматизма. Младшій братъ любилъ вращаться въ средѣ японцевъ и русскихъ и показать себя человѣкомъ, располагающимъ средствами и умѣющимъ прожить ихъ весело съ друзьями; старшій братъ, только-что пріѣхавшій, наоборотъ, предпочиталъ искать себѣ почета въ средѣ своихъ сородичей.

У очень немногихъ айновъ были тогда лошади, а такой дорогой, какъ у айскихъ богачей, не было ни у кого. Пока распрягали совершенно потную лошадь, тяжело работавшую боками, крикливый старикъ, размахивая руками, иногда даже присѣдая, рассказывалъ о своей поѣздкѣ, о лошади, которую недавно только, продавъ прежнюю, купилъ изъ-за ея быстрого бѣга. Подошедшая молодая дочь старика сняла съ телѣги небольшую связку съ шелковыми платьями и темносиними бусами, а сынъ его забралъ плетеную изъ травы сумочку съ находившимися въ ней нѣсколькими саблями.

Узнавъ, что въ малой юртѣ, куда онъ собирался зайти, было много гостей съ сѣвера, занятыхъ обѣдомъ, старикъ не торопился входить.

Ему предстояло продѣлать длинную процедуру айискаго здорованія съ каждымъ изъ пришедшихъ издалека сѣверянъ, а ждать, пока они не кончатъ ѣсть, ему, въ его положеніи, не приличествовало. Поручивъ одному изъ мальчиковъ дать себѣ знать, когда ѣда закончится, онъ направился въ сосѣднюю юрту, ступая гордо и крѣпко, и все время продолжалъ громко рассказывать о себѣ, не давая своимъ спутникамъ вымолвить ни слова.

Незамѣтно наступилъ закатъ солнца, что было сигналомъ къ дѣятельной работѣ всѣхъ принимавшихъ участіе въ праздникѣ. Подмели избу и сѣни, нары очистили, попрятали вещи ненужныя, могущія лишь мѣшать. Позвали трехъ стариковъ и, наливъ каждому чашку „сакѣ“, поручили принести жертвы богамъ. Одинъ вышелъ на дворъ и, черезъ слуховое окно получивъ чашку и палочку, усѣлся у „інау“, что сзади дома—въ честь бога, охраняющаго селеніе. Другой, съ деревянной посудой, отправился къ берегу моря, гдѣ приносятся жертвы богу моря каждый разъ, когда дѣлаютъ „сакѣ“, почему и складъ „інау“ называется „сакѣ інаукарусі“. Третій на старой, служащей спеціально лишь для такихъ случаевъ цыновкѣ усѣлся передъ огнемъ и съ чашкой въ рукахъ произносилъ длинную молитву богинѣ огня, пока не сгорѣла до тла небольшая кудряво заструженная палочка (інау), воткнутая въ середину очага. По окончаніи молитвы, старикъ отпилъ половину „сакѣ“, а остальное подалъ хозяйкѣ и той именно, которая главнымъ образомъ заботилась объ этомъ очагѣ. Снявъ обувь и повязку съ головы, подошла къ старику женщина среднихъ лѣтъ, изъ почтенія сгибаясь какъ бы отъ тяжести и немного вытягивая впередъ руки, сложенныя ладонями. Ставъ передъ старикомъ на колѣни, она приняла изъ его рукъ протянутую ей чашу и, держа послѣднюю обѣими руками, медленно придвигала къ себѣ. Въ этотъ моментъ старикъ погладилъ ея лѣвую руку своею правою ладонью. Актъ передачи мужчиною недопитаго „сакѣ“ называется „па-кеѣ“, т.-е. конецъ, остатки чаши. Хозяйка сняла съ чаши палочку, которая ей, безусой, была безъ надобности, засунула ее за свой воротъ сзади шеи и медленно допила „сакѣ“. Затѣмъ указательнымъ пальцемъ вычистила чашу отъ остатковъ густого напитка, облизывая каждый разъ палецъ, когда къ нему приставало немного жидкости. По окончаніи питья и чистки, она вынула изъ-за шеи палочку, положила ее сверхъ чаши и почтительно протянула старику, который принялъ чашу обѣими руками и приподнял до подбородка. Этимъ церемонія закончилась.

Я вышелъ на дворъ. За домомъ, на опушкѣ лѣса, толпа молодыхъ парней и взрослыхъ айновъ приготавлиала „інау ко“ или мѣсто, гдѣ должно было произойти убіеніе медвѣдя (рис. 1). 60 молодыхъ елочекъ съ очищенными снизу вѣтками и оставленными зелеными верхушками были воткнуты одна возлѣ другой, образуя родъ стѣны. Немного впереди, въ одну линію, поставлены были 6 высокихъ „інау“,

которые были затѣмъ, на высотѣ 2 аршинъ, связаны длинными прутьями, а межъ нихъ вставлялись 60 короткихъ одинаково заковъ стружекъ. Передъ образовавшейся красивой стѣнкой въ нѣсколькихъ шагахъ воткнули высокій, въ 5 сажень, тонкій видообразный столбъ, обѣ верхушки котораго были украшены пушистыми „інау“. Пока шла установка украшеній для лобнаго мѣста, мальчики топтали высохшую, но высокую траву на всемъ разстояніи отъ него до медвѣжьей клѣтки.

Рис. 1. С. Такое. Медвѣжьій праздникъ зимою. Приготовление мѣста, гдѣ должно произойти убіеніе медвѣдя.

Въ юртѣ пропеходили поспѣшныя послѣднія приготовленія. Хозяева развѣсили нѣсколько своихъ сабель и колчановъ на колышкахъ поверхъ свѣтлыхъ циновокъ на правой стѣнкѣ юрты. Въ женскомъ углу на прикрѣпленной палочкѣ вѣшались бусы и шелковыя дѣтскія платья. Одни за другими входили молодые люди, принося сабли отъ имени болѣе видныхъ гостей, — рѣдко кто изъ нихъ несъ саблю самъ. Тѣ, что пришли пѣшкомъ, принесли очень цѣнныя, дорогія сабли. Но пріѣхавшіе на лодкѣ привезли съ собою сабли качествомъ хуже, ибо считается большимъ грѣхомъ возить по морю драгоценности, причисленныя къ первому рангу.

Текунка глядѣль на саблю, какъ бы желая запомнить ея примѣту, и вѣшалъ на стѣнку. Образовалось 4 пучка висѣщихъ на широкихъ вышитыхъ португезяхъ сабель.

Въ то же время хозяинъ дома вынималъ изъ плетеныхъ сумъ, лежавшихъ въ углу около „інау“ хранителя дома, сабли съ ножнами, чашки меча („сехпа“) и португези; все это было порознь завернуто въ тряпки или бересту. Немало заняло времени прилаживаніе ефесовъ къ саблямъ и къ послѣднимъ „сехпа“.

Женщины передавали хозяйкѣ принесенныя съ собою разной величины китайскія бусы, старыя шитыя золотомъ парчевыя платья или сшитыя изъ современной разноцвѣтной шелковой матеріи накидки, шапочки въ видѣ баныка и т. п. Все это вѣшалось вмѣстѣ съ хозяйскими вещами и только утромъ должно было быть надѣто на дѣтей, а пока, какъ и сабли, служило украшеніемъ помѣщенія, гдѣ всѣ гости намѣревались провести ближайшую ночь и слѣдующіе дни праздника.

Пляска началась сейчасъ же послѣ того, какъ кончилъ старикъ молитву и жертву богинѣ огня. Проплясавъ тогда нѣсколько лишь минутъ, оба круга, и мужской и женскій, вышли на дворъ и приблизительно четверть часа прыгали около медвѣжьей клѣтки. Здѣсь, передъ окончаніемъ пляски, круги развернулись и, вытянувшись въ одну линію, впереди—мужчины, за ними—женщины, двигались вокругъ клѣтки, не мѣняя обычнаго присѣданія и припѣва. Сидѣвшему въ клѣткѣ медвѣдю служило это немалымъ развлеченіемъ, и онъ самъ вертѣлся въ клѣткѣ, поглядывая на движущіяся фигуры выкрикивающихъ людей. Это зрѣлище доставляло неописуемую радость собравшимся поглядѣть ребятишкамъ.

Заключивъ непродолжительную пляску на дворѣ, танцоры вернулись въ юрту и здѣсь продолжали пляску съ небольшими лишь перерывами до самаго утра.

Обѣжало нѣсколько мальчиковъ съ сообщеніемъ, что исполнили порученіе, обѣжавъ всѣ юрты и позвавъ уже всѣхъ гостей.

Хозяева сидѣли у праваго огня. Текунка со своею гордою осанкою выдѣлялся среди нихъ. Вся правая часть дома была свободна для гостей; дѣти были скучены въ лѣвой половинѣ, но ихъ выгоняли женщины, сидѣвшія направо и налево отъ входныхъ дверей, уговаривая прійти потомъ или же давая имъ порученія принести что-либо, чтобы только не мѣшали взрослымъ.

Одинъ за другимъ входили гости—старики, пожилые и молодежь. Всѣ были одѣты въ свои національные халаты изъ крапивы или луба ильмы, новые, чистые, опоясанные разноцвѣтными поясами, сотканными изъ японскихъ нитокъ аинками. Многіе приходили босые, а кто и имѣлъ обувь, то снималъ ее при входѣ и оставлялъ въ сѣняхъ, такъ какъ пить „сакэ“ на праздникъ нельзя обутому, да и неприлично было бы садиться въ обуви на нары.

Люди постарше сажались ближе къ огню, помоложе—усаживались во второмъ ряду отъ него, а нѣкоторые отправлялись даже къ лѣвой нарѣ и усаживались тамъ въ тѣни, сознавая, что ихъ общественное положеніе не позволяетъ имъ высовываться впередъ. Женщины не шли дальше большого, впрочемъ, пространства между двумя огнями и стѣнкою съ входною дверью.

Еще сборъ гостей не кончился, но юрта, казалось, была полна народу. Текунка далъ знакъ хозяину юрты, что пора разсаживать гостей. Широкоплечій съ бородою въ лонату мужчина, хозяинъ дома, былъ церемоніймейстеромъ. Онъ стоялъ въ углу у задней стѣнки и сталъ выкликать по-очереди присутствовавшихъ, указывая имъ мѣста.

Прежде всего усадили одного старика, умѣвшаго хорошо говорить молитвы, передъ посудою съ „сакé“, поставленною у задней стѣнки, противъ прохода между двумя огнями. По другую, противоположную сторону посуды былъ посаженъ молодой, лѣтъ 22, айнь, изъ близкихъ родственниковъ Текунки, который изображалъ въ данномъ случаѣ хозяина угощенія.

Затѣмъ были вызваны почетнѣйшіе гости и усажены на нарѣ. Два мѣста какъ разъ противъ середины очага назначены были для самыхъ важныхъ изъ числа прїѣзжихъ издалека гостей. Передъ ними поставлено „сакé“ въ четырехугольной посудѣ на ножкахъ, почему она и называется „кема коро сіндого“. Отъ нихъ направо къ женскому углу усѣлись старики изъ ближайшихъ селеній, слѣдовательно, связанные съ хозяиномъ узами родства, а по лѣвую сторону—почетные гости издалека.

Затѣмъ уже разсажены были на полу, вдоль задней стѣнки, въ два ряда, гости съ лицами, обращенными другъ къ другу. Часть была усажена на лѣвой нарѣ, а всѣ прочіе заняли пространство между огнемъ и правою парою.

И на нарахъ и на полу сидѣло четное число людей, такъ какъ при питьѣ „сакé“ усаживаются попарно. Передъ каждою парою ставили подносъ и на немъ чашку съ палочкой для поддерживанія усовъ.

Каждый изъ гостей, прежде чѣмъ занять указанное ему мѣсто, дѣлалъ стоя, но немного присѣвъ, привѣтствіе, состоящее изъ потирания ладонями и поглаживанія бороды, передъ огнемъ, потомъ передъ угломъ, гдѣ стоятъ „інау“ въ честь бога дома, и, наконецъ, передъ своею парою или тѣми, кто сидѣли рядомъ.

Все время, пока шла усадка гостей, всѣ они сидѣли молча съ опущенными глазами и какъ бы не обращая вниманія на то, что происходитъ кругомъ. Каждый старался не показать и виду, что онъ ждетъ вызова.

Когда уже нѣкоторая часть размѣстилась, начались взаимныя привѣтствія. То издали потирали одинъ по направленію къ другому ладонями и затѣмъ заканчивали медленнымъ проведеніемъ руками по

бородѣ и груди, то тотъ или другой вскакивалъ съ мѣста, подходилъ вплотную къ другому старшему и продѣлывалъ то болѣе длинное привѣтствіе, которое полагается послѣ продолжительной разлуки.

Любопытное зрѣлище представляли эти молчаливыя встрѣчи глазами и такое же молчаливое совпаденіе пачала здорованія съ обѣихъ сторонъ. Кто помоложе, тотъ искалъ глазами встрѣчи со взглядомъ стариковъ, сидѣвшихъ молча и изподлобья поглядывавшихъ на усаживавшихся гостей, и, уловивъ его, дѣлалъ жестъ, выдвинувъ свои обѣ руки впередъ и сложивъ ихъ кончиками пальцевъ.

Не менѣе получаса продолжались эти перекрестныя взаимныя привѣтствія. Нѣкоторые изъ менѣе смѣлыхъ молодыхъ, лѣтъ по 20—25, для которыхъ, по айнскому обычаю, уже наступила пора церемоніально здороваться съ незнакомыми или давно невиданными соплеменниками, прятались въ тѣни на лѣвой парѣ за кругами пляшущихъ, приглядываясь лишь со вниманіемъ къ дѣйствіямъ сидѣвшихъ на виду гостей...

Началась раздача „сакѣ“. Нѣсколько молодыхъ изъ числа хозяевъ ловко ходили между сидѣвшими и, набирая „сакѣ“ изъ посуды, поставленной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ сидѣвшими, разносили ее по очереди гостямъ. Изъ каждой пары одинъ подставлялъ стоявшую на подносѣ чашу и подавалъ ее, наполненную „сакѣ“, своему сосѣду или визави. Когда этотъ принималъ чашу и возносилъ ее въ знакъ благодарности вверхъ, подававшій долженъ былъ въ отвѣтъ погладить бороду и грудь ладонями.

Всѣ пары уже получили по одной чашѣ; началась вторичная раздача „сакѣ“, причемъ теперь тотъ, который пилъ первымъ, держалъ чашу и передавалъ ее, налитую, своему товарищу.

Получали „сакѣ“ и пляшущіе, только одинъ за другимъ по-очереди. Женщинамъ наливали въ малую чашку и то не до краевъ. Въ женскомъ углу стояла посуда со слабымъ, разбавленнымъ водою напиткомъ, и его-то разливали изрѣдка женщинамъ-гостямъ, сидѣвшимъ беспорядочно на полу между очагомъ и дверьми. Хозяйки были заняты варкою на обоихъ очагахъ рыбнаго супа, который затѣмъ, въ перерывѣ раздачи „сакѣ“, подавали всѣмъ гостямъ.

Уже всѣ выпили по одной чашкѣ, и посуда была пуста. Общее вниманіе привлекъ лысый съ неправильнымъ, комическимъ лицомъ старикъ. Онъ доказывалъ еще передъ размѣщеніемъ гостей, что старый церемоніаль айцовъ при питьѣ „сакѣ“ теперь исполняется неправильно, и его посадили за посуду, стоявшую посрединѣ задней части юрты. Онъ готовился прочесть заключительную молитву. Разговоръ нѣсколькихъ десятковъ паръ людей, еще сдержанный, но отъ котораго гудѣло, какъ въ ульѣ, прекратился. Танцоры уѣлись на полу и замолкли. Женщины уняли ребятъ и тоже, не подавая впрочемъ виду, слѣдили за отчетливыми словами веселаго, всѣми любимаго старика.

Вытянувъ руки по направленію къ сидѣвшему напротивъ моло-

дому айну изъ рода хозяевъ и поглаживая одну ладонь о другую, старикъ сказалъ слѣдующее:

„Старыхъ предковъ, дѣдовъ вашихъ „інау“ уже состарились, сгнили и упали, но въ вашемъ родномъ селеніи нынѣ эти „інау“ помолодѣли, обновились принесенными свѣжими изъ горнаго лѣса. На вашей землѣ играть сегодня будемъ. Медвѣженокъ въ ваше село связаннымъ былъ принесенъ и сзади дома помѣщенъ, перезимовалъ уже вмѣстѣ съ вами двѣ зимы. Въ этотъ годъ мы собрались провожать его, уходящаго къ себѣ домой въ горы. Если такъ вы будете дѣлать, то на другой годъ (весною) какой-либо мужчина, бродя гдѣ-нибудь по склону горъ, примыкающему къ долинѣ рѣки, наткнется на медвѣженка, и въ вашемъ селѣ позади домовъ опять веселиться будемъ. Больше этого, длинную рѣчь я говорить стѣсняюсь; поэтому, коротко, обрѣзавъ дальнѣйшее, я сказалъ“.

Закончивъ это, старикъ погладилъ бороду. Молодой человекъ, сидѣвшій противъ него, отвѣтилъ тѣмъ же. Затѣмъ старикъ взялъ „сіндого“ и началъ потирать объ эту посуду руки, говоря:

„Этотъ сіндого изъ японской земли, два моря переѣхавъ, три моря переѣхавъ, привезли въ этотъ домъ, людское жилище, и у задней стѣны поставили. Я думаю объ этой (посудѣ), какъ будто находилась въ этомъ домѣ бабушка. Теперь перевезенный черезъ море рисъ въ тебѣ бродить. Вашъ внукъ, божескій внукъ, вставъ на разсвѣтъ, изъ своего жилища черезъ лѣсъ и горы отправится на вершину ихъ. У тебя внутри бродить это „сакэ“, для твоего внука хорошее угощеніе дѣлаешь, на дорогу провизію готовишь. Эти слова недоконченной рѣчи я на тебя опускаю“.

При послѣднихъ словахъ, старикъ поднялъ „сіндого“ и поставилъ его обратно на полъ. Сидѣвшій противъ него молодой айнъ налилъ оратору полную чашу „сакэ“. Когда оно было выпито, то, сдѣлавъ взаимный поклонъ, оба они встали; этимъ церемоніаль былъ законченъ. Къ „сіндого“ подозвали хозяйку дома, которая должна была досуха вычистить посуду пальцами.

Между тѣмъ, прерванное на время пиршество продолжалось дальше. Предстояло новое размѣщеніе гостей. Хозяинъ долженъ былъ слѣдить, чтобы никого не обидѣть, чтобы на нѣсколькихъ почетныхъ мѣстахъ въ эту торжественную ночь посидѣли тѣ, кому это приличествовало, чтобы не было обойденныхъ и униженныхъ. На первое по значенію мѣсто были теперь посажены богачъ изъ Ай и еще не старый, но пользовавшійся большимъ вѣсомъ староста одного богатаго селенія съ сѣвера. Вліятельнѣйшіе старики оставались сидѣть на нарахъ, но всѣ прочіе оттуда были смѣщены и посажены на полъ, а наверхъ приглашены другіе, сидѣвшіе на мѣстахъ менѣе видныхъ. Другою заботою хозяина было посадить гостей парами такъ, чтобы оба считали себя равными. Иначе происходила бы неловкость въ бесѣдѣ лицъ,

связанныхъ необходимосью сидѣть рядомъ, пока не выныкнутъ изъ общей чаши. Одинъ чувствовалъ бы себя сконфуженнымъ, другой—обиженнымъ. Ни въ коемъ случаѣ нельзя также заставить пить изъ одной чаши людей, находящихся между собою во враждѣ. Поэтому, прежде чѣмъ подзвать кого-либо на очередное мѣсто, разсаживающій взвѣшиваетъ все данныя, постоянно оглядываетъ всехъ присутствующихъ и уже потомъ рѣшительно выкликаетъ имя того или другого гостя, указывая ему назначенное мѣсто. Какія-либо колебанія, перемѣна разъ высказаннаго приглашенія были бы неприличны; не менѣе непростительны были бы отказы со стороны гостей. Бывали случаи, когда гость, пользуясь удачнымъ моментомъ, незамѣтно для другихъ передавалъ просьбу хозяину не сажать его съ тѣмъ или другимъ лицомъ, предполагая, что о неприязни къ такому лицу хозяинъ могъ и не знать.

Гости, наконецъ, были усажены, и нѣсколько молодыхъ виночерпьевъ, изъ ближайшихъ родственниковъ хозяина, быстро наполнили все чашки. Порядокъ разливанія былъ тотъ же. На правыхъ нарахъ было такое мѣсто, гдѣ два рядомъ сидѣвшіе изъ двухъ разныхъ паръ пили одновременно; это именно и было самымъ почетнымъ мѣстомъ, называвшимся „ітангі утомуѣ коці“, т.-е. мѣсто, гдѣ сталкиваются чашки.

Изъ числа сидѣвшихъ на полу пили первыми тѣ, которые сидѣли лицомъ къ дверямъ.

Молодежь, ютившаяся кругомъ огня и на нарахъ, получала „сакѣ“ изъ одной небольшой чашки, передававшейся изъ рукъ въ руки. Угощали и танцоровъ.

Оживленіе росло; бесѣды въ разныхъ углахъ велась уже громче; нѣкоторые подвыпившіе сидя поддѣввали и хлопали въ ладоши.

Сидѣвшіе на нарахъ и нѣкоторые изъ сидѣвшихъ на полу, пожилые люди, то и дѣло подзывали къ себѣ ту или иную женщину для принятія „па-кеѣ“, т.-е. остатка отъ чаши. Недовѣвъ ея, старикъ называлъ младшимъ изъ сосѣдей имя той, которой хотѣлъ отдать оставшееся, и затѣмъ кто-нибудь изъ болѣе бойкихъ или изъ числа хозяевъ громко вызывалъ женщину, удостоенную вниманія. Почти все гости считаютъ нужнымъ дать „па-кеѣ“ хозяйкамъ пиршества, и онѣ подзывались чаще всего. Но не забываются и другія, въ особенности старушки и пожилыя. Это даетъ возможность сказать нѣсколько словъ привѣта давно невиданной родственницѣ или женѣ пріятель. Вызванная подымается медленно со своего сидѣнья или выходитъ изъ круга пьющихъ, прося замѣнить ее кѣмъ-либо изъ незанятыхъ женщинъ, и въ углу снимаетъ обувь. Затѣмъ, обыкновенно, достаетъ съ полки лакированную, предназначенную для женщинъ, чашку и, спрятавъ ее и свой головной уборъ за пазуху, медленно и сильно согнувшись пробирается сквозь плотную стѣну усѣвшихся гостей. Передъ по-

завалимъ она становится на колѣни и, принявъ чашу, иногда выпиваетъ, но чаще всего переливаетъ все въ принесенную посуду, которую ставитъ затѣмъ возлѣ себя. Вычищенная чаша почтительно передается обратно, а полученное „сакé“ уносится опять черезъ рядъ гостей въ женскій уголь. У каждой почти женщины имѣются свои стеклянные бутылки или глиняная посуда, въ которыя сливаются получаемые остатки „сакé“.

Обыкновенно эти остатки женщины отдаютъ мужьямъ и родственникамъ, чтобы они опохмелились, когда „сакé“ уже не станетъ. Есть и такія, которыя не прочь и продать кому-нибудь изъ гостей, жаждущихъ опохмеленія,—и не дешево, по 20—30 коп. за бутылку.

Впрочемъ, нѣкоторыя, пришедшія изъ другихъ селеній, собираютъ, чтобы отнести домой для тѣхъ родныхъ, которые не могли явиться на пиршество.

Пары опьяняющаго напитка начали дѣйствовать на слабыя головы. Угрюмость, нѣкоторая натянутость, съ которою держатся рѣдко бывающіе въ этомъ селѣ, исчезаютъ. Одни забыли о своей важности, другіе на время выкинули изъ памяти свое горе и заботы: языки развязались, мозгъ сталъ работать живѣе. Не было, кажется, ни одной пары, которая бы сидѣла молча.

Изъ среды гостей вскакиваетъ то одинъ, то другой и энергично втискивается въ кругъ пляшущихъ. Кто-нибудь изъ восьми уходитъ, и бойко продолжается круговое подпрыгиваніе, выкрикиванія становятся громче, явственнѣе. Нѣсколько минутъ спустя, ворвавшійся въ кругъ уже его покидаетъ, громко выкрикивая „joè-tà!“ (довольно!).

Всеобщій хохотъ вызвалъ вскочившій межъ пляшущихъ женщинъ высокій въ бѣло-снѣжномъ новомъ халатѣ мужчина; онъ прыгалъ вмѣстѣ съ ними со сложенными руками на груди и, насколько былъ въ силахъ, оттопыривалъ заднюю часть тѣла, утрируя обычныя движенія женщинъ во время пляски.

Богачъ Сирекуа, узнавъ, что его жена запуталась при пляскѣ и упала, кричитъ на нее съ паръ, а потомъ соскакиваетъ оттуда и, войдя въ кругъ, учитъ ее плясать, чѣмъ всѣ очень довольны.

На правой половинѣ идетъ новая перетасовка сидящихъ; нѣкоторые выходятъ на дворъ, чтобы немного освѣжиться. Уходя и затѣмъ возвращаясь, каждый дѣлаетъ легкій поклонъ своему сотоварищу по чашѣ.

Взоры многихъ обращены на рѣчистаго Ноканрусá, который, вскочивъ со своего мѣста, увлекательно рассказываетъ недавній случай во время охоты на нерпу. Онъ присѣдаетъ, корчится, наглядно показываетъ, какъ прятался за торчащую льдину, затѣмъ дѣлаетъ движенія, какъ будто толкаетъ впередъ острогу, падаетъ на землю и подымается при общемъ одобреніи, выражаемомъ выкрикиваніемъ „ке!“ (ну, вотъ!), „jajkiste!“ (опасно!).

За спиною Нокаируса подпрыгиваетъ старичокъ невысокаго роста съ подстриженной бородкой и поетъ дребезжащимъ, но идущимъ изъ груди голосомъ любимую при выпивкахъ айскую пѣсенку „сниця“. Это—несложный экспромптъ: нѣсколько словъ по случаю пиршества, выраженіе удовольствія по поводу „сакэ“ и т. п. Ритмически присѣдая и слегка опускаая при этомъ внизъ вытянутыя руки, старичокъ дефилируетъ передъ сидящими гостями и въ концѣ, дѣлая общій поклонъ, садится на свое мѣсто. Но его сейчасъ замѣняетъ другой, потомъ третій. Блаженная улыбка у сидящихъ гостей показываетъ, насколько они довольны всѣмъ происходящимъ. Они мурлычатъ себѣ въ носъ однообразный мотивъ пѣсенки и, придерживаясь такта, хлопаютъ въ ладоши.

Кто-то кричитъ, заставляя своего сосѣда, славнаго пѣвца героическихъ преданій, пачать пѣть тутъ же эти любимѣйшія поэтическія страницы прошлаго. Кричащій—повидимому, гость съ западнаго берега, не знающій или забывшій о существующемъ у айновъ восточнаго берега запретѣ пѣть эти „гауки“ въ домѣ, гдѣ происходитъ само пиршество.

„Сакэ“ уже не разливаютъ. Хозяева заботятся, чтобы всѣ были трезвы при сложной работѣ выведенія медвѣдя. Теперь почти все собраніе занялось куреніемъ табаку. На нарахъ поставлены небольшіе съ выемкой въ серединѣ камешки, въ которые положили по угольку для закуриванія и куда могутъ выбивать пепель изъ трубки.

Нѣкоторые гости встаютъ и выходятъ съ намѣреніемъ не возвратиться, забравъ съ собою кисеты и трубки. Имъ кричатъ въ догонку „кіра ајну“, т.-е. бѣглець, но останавливать не рѣшаются. Бываютъ люди, легко хмельющіе и затѣмъ становящіеся задорными. Легко можетъ произойти ссора, какой-либо неожиданный, неприятный казусъ. Кто-либо можетъ разлить „сакэ“, задѣть гдѣ-либо „інау“ или вообще сдѣлать неприличіе. А это повлекло бы за собою тяжбу и соответственный штрафъ. Платить его долженъ тогда не цѣяный виновникъ проступка, а тотъ, кто задерживалъ пьянаго въ собраніи, если только это будетъ доказано.

Какъ разъ славившагося своею вспыльчивостью и сварливостью богача пришлось его роднымъ вызвать на дворъ, чтобы, пока еще тотъ не разошелся, уложить его гдѣ-нибудь спать.

Опьянѣвшій старый полуслѣпой шаманъ, когда-то очень славный и пользовавшійся почетомъ, теперь уже немощный, лежитъ на лѣвой нарѣ среди молодежи и кричитъ: „не давайте „сакэ“ непляшущимъ, пойте только пляшущихъ!“ Дѣти умудряются шалить и при такой тѣснотѣ и, несмотря на окружающій шумъ и гамъ, имѣютъ свои интересы и поводы къ смѣху. Одному вымазали незамѣтно для него лобъ уголькомъ, и всѣ остальные безмѣрно рады, высмѣивая и указывая на него пальцами. Двое играютъ камешками въ четъ и нечетъ. Одинъ

постарше шутить съ малыми, дергая ихъ за уши сзади и дѣлая затѣмъ видъ, будто онъ ничуть не шевелился. Слышны изрѣдка ломанья русскія слова, которыми щеголяютъ между собою парни изъ селеній Такое и Сіянцы, болѣе всего обрусѣвшихъ.

Я удивлялся умѣнью людей веселиться при такой скученности и тѣснотѣ.

Всего я насчиталъ въ этотъ праздникъ 210 человекъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, а домъ, вѣдь, занималъ не болѣе 12 — 15 квадр. сажень.

Аины о. Іезо главную часть праздника проводятъ на дворѣ. Но тамъ болѣе мягкій климатъ позволяетъ устраивать пляску и угощеніе подъ открытымъ небомъ. На Сахалинѣ это невозможно. Обычно праздники происходятъ въ концѣ ноябрю и въ началѣ декабря, когда уже выпадаетъ немало снѣгу, и у всѣхъ является желаніе ютиться около весело потрескивающего огня. Хотя въ прежнее время на зиму большинство айновъ Сахалина переселялось въ землянки, но медвѣжьи праздники никогда въ нихъ не совершались. Въ эти землянки не переносили даже лакированной посуды, употребляемой при питьѣ „сакѣ“, такъ какъ она тамъ легко портилась.

Я снова взглянулъ на правую сторону юрты, гдѣ поднялся болѣе громкій говоръ. Веселый, знакомый мнѣ по Серароко, Мойма, кривляясь во всѣ стороны, показывалъ, какъ играютъ на японской сценѣ гейши, и старался подражать ихъ пѣнію. Онъ два года назадъ ѣздилъ въ Хакодате съ японскимъ рыбопромышленникомъ и зимовалъ тамъ. Онъ гордился этимъ путешествіемъ, считался бывалымъ человекомъ и радъ былъ подѣлиться своими свѣдѣніями съ тѣми, кто доживалъ свой вѣкъ, не побывавъ даже въ Корсаковскѣ.

Посрединѣ юрты красивый мужчина среднихъ лѣтъ сердито покрякивалъ на сидѣвшаго понуро и молча въ ряду гостей другого айна, который, повидимому, чѣмъ-то задѣлъ его. Двое молодыхъ хозяевъ старались уговорить разсерженнаго и постепенно выводили его къ дверямъ, гдѣ уже со страхомъ на лицѣ ждала его жена, чтобы увести въ спокойное мѣсто прочь отъ возможнаго скандала.

Въ это время вошелъ высокій, солидный Текунка и направился къ правому очагу; съ недовольствомъ, ясно выраженнымъ на всегда спокойномъ лицѣ его, онъ отстранилъ прочь отъ огня сидѣвшаго какъ разъ на хозяйскомъ мѣстѣ низкаго роста, подслѣповатаго старичка, Укохте, громко и пискливымъ голосомъ спорившаго съ другимъ, усѣвшимся поодаль. Хотя Текунка былъ съ Укохте изъ одного селенія и выдалъ дочь свою за его сына, но не могъ позволить въ присутствіи сегодняшняго большого собранія такую фамильярность и нарушеніе правилъ церемоніала праздника и даже повседневнаго обычая. На хозяйское мѣсто могъ садиться только близкій родственникъ и во всякомъ случаѣ не между женою и мужемъ, какъ то ны-

тался сдѣлать Укохте, который, замѣтивъ подходившаго Текунку, чтобы освободить ему мѣсто, придвинулся къ углу очага, гдѣ сидѣла на обычномъ мѣстѣ хозяйки жена Текунки со спящей у нея на колѣняхъ трехлѣтней дѣвочкой.

Отогнанный прочь отъ огня Укохте отправился на нары, гдѣ сѣлъ съ краю и сталъ озираться по юртѣ. Совершенно неожиданно онъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на меня и закричалъ на всю юрту.

— „Тангі сакэ ікуре-ян!—закричалъ Укохте, и его сейчасъ же поддержали около десяти подвыпившихъ айновъ.

Уже въ началѣ пиршества меня хотѣли принудить усѣсться вмѣстѣ съ другими гостями на нарахъ и пить „сакэ“, но тогда всѣ были трезвы и уступили моимъ просьбамъ, оставивъ меня въ покоѣ. Теперь не такъ легко было отдѣлаться. Подошли и хозяйева и также стали просить, и я долженъ былъ сѣсть на почетное мѣсто рядомъ съ Укохте.

Прервались на минуту бесѣды, лица всѣхъ засіяли отъ блаженнаго предвкушенія оживляющей влаги. Былъ найденъ удобный предлогъ выпить снова. Женщинамъ было приказано обождать немного съ подачею приготовленной рыбы и чаю.

И пока разливали „сакэ“, по-очереди выходили добровольцы-пѣвцы и, вытянувши руки, граціозно присѣдая и потряхивая бородами, двигались назадъ и впередъ по небольшому незанятому человѣческими тѣлами пространству. Каждый разъ послѣ нѣсколькихъ пронѣтыхъ грудью словъ поющій издавалъ дрожащіе горловые звуки, особенно любимые айнами.

Нѣсколько пѣсенъ мнѣ потомъ удалось записать, и я привожу двѣ изъ нихъ въ переводѣ:

1) Эту только самъ я составилъ пѣсню.

Науре на е... е... е...

Съ молодости этимъ только скуку прогоняю.

Науре на е... е... е...

Когда бы то ни было заставлялъ я слушать боговъ.

Науре на е... е... е...

Чтобы боги всегда обо мнѣ помнили.

Науре на е... е... е...

Это только дѣлая, я живу.

Науре на е... е... е...

Теперь, состарившись, все еще пѣсню эту буду пѣть.

Науре на е... е... е...

Всегда буду также стараться, чтобы боги ее услышали.

Науре на е... е... е...

2) Я—старикъ, молодежь „сакэ“ приготовила.

Науре нао е... е... е...

Благодаря за „сакэ“, я пѣсню только пою.

Науре нао е... е... е...

Будучи плохонькимъ старикомъ, благодаря за „сакé“, я голосить лишь могу.

Науре нао е... е... е...

Притихшее на время собраніе опять заголосило. Бесѣдовали нарами. Меня занималъ Укохте, который долженъ былъ пить со мною изъ одной чашки.

— Ты знаешь, кто я?—спросилъ полупьяный старичокъ, поднимая свою небольшую голову вверхъ, что онъ дѣлалъ не столько изъ важности, сколько изъ-за болѣзни глазъ; верхнія вѣки какъ будто не слушались и съ трудомъ поднимались.—Я все равно начальникъ округа. Тутъ я одинъ „нисна“, всѣ остальные—это „утаракее“, „все равно матросъ“,—и сталъ водить рукою по юртѣ. Доведа глаза до середины наръ и замѣтивъ тамъ почтеннаго старичка изъ самаго сѣвернаго селенія, добавилъ:—Тарајка ѱаца (т.-е. старикъ изъ Тарайки) тоже мало-мало нисна.

На эту тему тараторилъ мнѣ родовой старшина въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіяхъ безъ конца. Напрасно я хотѣлъ свести разговоръ на что-либо другое; его затуманенный умъ, какъ лошадь съ норовомъ, дальше не хотѣлъ двигаться. Съ особенной гордостью онъ подчеркивалъ, что при японцахъ отецъ его былъ старшиною на весь берегъ, самъ не работалъ, объѣзжалъ селенія, имѣлъ право одинъ говорить съ властями и т. п.

Старикъ скоро оставилъ меня въ покоѣ, потому что поблизости группа весельчаковъ затѣяла игру.

Въ рукахъ у одного старика былъ пучокъ сухихъ стеблей травы. На концѣ одного изъ нихъ былъ узелокъ. Выровнявъ концы всѣхъ и взявъ ихъ въ горсть, старикъ предлагалъ желающимъ выбрать по одной травинкѣ и вытянуть ее у него изъ рукъ. Тотъ, кто вытащилъ стебель съ узломъ, получилъ послѣднюю чашу оставшагося „сакé“. Рѣшено было въ эту ночь болѣе гостямъ „сакé“ не давать. И такъ уже были пьяные, чего не полагалось до убіенія медвѣдя.

Посуду стали убирать съ наръ и съ полу и ставили на полку надъ нарами. Гостямъ подали вареную юколу и въ чашкахъ чай. Кто-то отказался отъ чаю и попросилъ сырой воды. Ее всю перелили въ чайники и котлы, гдѣ опять что-то варилось для другой партіи гостей: пляшущихъ, женщинъ и дѣтей. Уже нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ собралось было итти по воду, когда старики закричали, велѣли подождать и рѣшили вновь устроить старую аинскую игру.

Принесли пучокъ сухой высокой травы и два стебля связали концами, оставшимися невидимыми для публики, другіе же концы, выровненные, находились въ сжатомъ кулакѣ почтеннаго тарайкинскаго старика. Въ это время шли переговоры съ женщинами о томъ, которая изъ нихъ согласится участвовать въ игрѣ. Вытащившій стебель, связанный съ другимъ, долженъ будетъ пойти съ женщиною по воду.

Со смѣхомъ и шутками выкликали сѣдые гости то ту, то другую старуху или молодую. Всѣ отпѣкивались. Наконецъ, вызвалась одна среднихъ лѣтъ женщина, веселая, бойкая, славившаяся въ молодости еще большею бойкостью и общительностью. Она не подходила тянуть стебель, такъ какъ предназначенный для нея былъ нарочно выдвинутъ выше и уже точно опредѣленъ. При общихъ возгласахъ отправился на дворъ, съ ушатомъ въ рукахъ, прихрамывающій на одну ногу не старый еще Аракемусъ, лучше всѣхъ распѣвавшій передъ тѣмъ пѣсни о благодатномъ „сакѣ“.

Когда затѣмъ они внесли воду въ юрту, поднялся невообразимый хохотъ, съ разныхъ угловъ летѣли шутки, крики, такъ что даже пляшущіе затихли и приняли участіе въ общемъ веселіи.

Хотя женщина отправилась къ рѣчкѣ въ темную ночь одна съ мужчиною, никто не могъ въ этомъ случаѣ подозрѣвать что-либо дурное: во время медвѣжьяго праздника фривольныя сношенія двухъ половъ строго запрещены. Но этотъ запретъ сохранилъ еще силу только у сѣверныхъ айновъ, менѣе забывающихъ традиціонные запреты. Здѣсь же, ближе къ югу, въ данное время обычай воздержанія на время медвѣжьяго праздника обязательенъ лишь для лицъ, считающихся на немъ хозяевами. Исполняется это со всею строгостью, такъ какъ глубоко укоренилась вѣра, что нарушеніе этого правила будетъ обнаружено самимъ медвѣдемъ. Въ моментъ, когда ему будетъ сказано прощальное слово, онъ проявитъ въ такомъ случаѣ видимое для всѣхъ половое возбужденіе, и хозяева будутъ пристыжены передъ всѣмъ собравшимся народомъ.

— Не лѣнитесь, пляшите веселѣе!—прикрикнулъ Текунка на замолчавшіе оба круга танцоровъ.

И они охотно принялись подпрыгивать и испускать свои странные нечеловѣческіе звуки.

Увлеченіе пляшущихъ передается и кучкѣ подростковъ, которыхъ не принимаютъ въ женскій кругъ: тамъ и безъ того много желающихъ поплясать и ждущихъ очереди, чтобы замѣнить уставшую или отозванную къ ребенку женщину.

Дѣвочки-подростки составляютъ свой особый кругъ, умѣстившіяся по лѣвую сторону отъ дверей. Вскорѣ однако имъ совѣтуютъ выйти на дворъ, такъ какъ въ юртѣ тѣсно. Съ шумомъ выбѣгаютъ онѣ, и за ними цѣлая ватага мальчиковъ.

Въ юртѣ уже нѣтъ новыхъ явленій. Пляска не прерывается.

Танцорамъ жарко; они высвободили руки изъ халатовъ, и рукава повисли ниже пояса, болтаясь во все стороны. Около танцоровъ сидятъ нѣсколько молодыхъ парней изъ дальнихъ селеній, напряженно прислушивающихся и ловящихъ налету всѣ плясовые выкрики. Они хотятъ запомнить всѣ новые припѣвы и затѣмъ удивить своихъ, когда и въ ихъ селеніи будетъ такой же праздникъ.

Порядили ряды солидныхъ гостей. Оставшіеся еще бесѣдуютъ, но уже нѣкоторые приняли болѣе непринужденныя позы: кто сидя вытянулъ ноги, а кто улегся на спину, будучи не въ силахъ держаться безъ опоры. Больше было здѣсь женщинъ, которыя, уложивъ спать дѣтей, собрались въ юрту, занявъ все пространство отъ дверной стѣнки до обоихъ очаговъ. Всѣ онѣ угощаются табакомъ, а нѣкоторыя, группами по двѣ, по три, ведутъ изрѣдка неоживленныя, какъ бы подъ секретомъ, бесѣды,—по всей вѣроятности, оцѣниваютъ одежду мужчинъ, цыновки, разосланныя на стѣнкахъ, или передаютъ другъ другу послѣднія новости и слетни тѣхъ мѣстъ, откуда пришли онѣ сами или другіе гости.

У пояса каждой болтались пустыя ножны. Ножи въ эту ночь должны быть вынутыми, такъ какъ при происходящей толкотнѣ легко могло бы случиться пораненіе. Впрочемъ, употребленіе ножей въ этотъ вечеръ вообще запрещено, и не готовятъ такихъ блюдъ, которыя требуютъ разрѣзыванія чего-либо ножомъ.

Я вышелъ изъ юрты, чтобы посмотрѣть на пляску малолѣтнихъ.

По дорогѣ, которая шла вдоль всего села, видны еще были мужскія фигуры. Хотя и разошлись по домамъ, но рѣдко кто спалъ въ эту ночь: обычай требуетъ бодрствованія.

Пройдясь взадъ и впередъ по тропкѣ, ведшей къ берегу моря, я прислушивался къ гулу, къ громкимъ и явственнымъ возгласамъ своеобразнаго пѣнія, сопровождавшаго примитивную пляску.

Веселіе нѣсколькихъ десятковъ прыгавшихъ около праздничной юрты ребятъ потянуло туда и меня. При лунномъ свѣтѣ блестяли свѣжо выбритыя переднія части головъ у сновавшихъ мальчиковъ, потряхивавшихъ своими длинными до плечъ волосами. У тѣхъ, что помоложе, болтались на оставленномъ посредиѣ макушки пучкѣ волосъ украшенія изъ мелкихъ бусъ, называемыя „*нах-цірі*“. У поясовъ звенѣли побрякушки изъ жести и деревянныя модели ножииковъ.

Дѣвочки-подростки съ небольшими черными пятнами на губкахъ, исполнявшія роль нянекъ, ходили, играли и плясали съ навьюченными на спинахъ спящими ребятами-сосунами.

Вся дѣтвора сгруппировалась около круга дѣвочекъ разнаго возраста, плясавшихъ передъ медвѣжьей клѣткой (рис. 2). Запѣвалами были двѣ уже взрослыя дѣвицы, видимо учившія младшихъ плясовымъ крикамъ, такъ какъ пѣніемъ назвать ихъ было бы трудно. Неумѣлость дѣвочекъ сказывалась частенько; пляска задерживалась, старшія производили перетасовку: ставили одну на мѣсто другой или совсѣмъ выгоняли кого-либо изъ круга. Налаженный кружокъ начинать подпрыгиванье, хлопая въ ладоши и издавая звуки, менѣе рѣзущіе уши, чѣмъ когда это дѣлаютъ взрослые. Но опять являлась какая-нибудь заминка. Одна изъ дѣвушекъ сбилась и удаляется; ее обзываютъ „лѣнивою“; начинаются поиски другой, понуканія: „*ківа*“

(иди, действуй) и новыя наставленія старшихъ заправили кружка. Медвѣдь, и безъ того не спавшій, расхаживаетъ по клѣткѣ, дѣлая круги въ одну, а потомъ въ другую сторону. Дразнить его запрещено, и никому изъ ребятъ не приходитъ это и въ голову.

Голоса, доходившіе изъ юрты, притихли; не слышно было и мѣрнаго стука отъ прыжковъ пляшущихъ. Я подошелъ къ задней стѣнкѣ дома и черезъ слуховое незаслоненное ничѣмъ окошко взглянулъ въ середину.

— Ганка! камуј іруска! (нельзя, богъ разсердится!)—закричало нѣсколько голосовъ знакомыхъ мнѣ ребятъ.

Рис. 2. С. Такое. Медвѣдьяи клѣтки. На одной изъ нихъ и около нея—інау, приготовленный для украшенія столбовъ на мѣстѣ, гдѣ должно произойти убіеніе медвѣдя.

Глядѣть черезъ это окошко, величиною въ $\frac{1}{4}$ кв. арш., никому не разрѣшается. Черезъ него посмотрятъ лишь боги, контролирующіе человѣческую дѣятельность. Обычно оно заложено дощечками, но теперь было открыто. Боги могутъ хоть издали быть участниками торжественнаго лира.

Я успѣлъ все-таки увидѣть, что всѣмъ пляшущимъ была подана ѣда. Большинство ихъ ѣло, не покидая круга, чтобы начать пляску сейчасъ по окончаніи трапезы. Будили толчками одну усталую плясунью, которая заснула, сидя на землѣ въ кругу.

Я отправился домой, увѣряемый Тамкиномъ, что до разсвѣта ничего новаго не произойдетъ.

Мы не укладывались, но надо было согрѣться и подкрѣпиться... Спустя часъ, я вышелъ опять осмотрѣть, что творится. Пляска шла вяло; всѣ казались сонными. Женщины сидѣли на полу, нагнувшись выкрикивали плясовые звуки и въ тактъ били правой рукой по колѣнямъ. Мужчины прерывали пляску и, садясь на полъ, вытягивались и отдыхали; не было у нихъ охоты даже бесѣдовать. Гостей въ юртѣ было очень мало; среди нихъ не было никакого оживленія. Сидѣвшія по угламъ женщины понуро молчали, опустивъ головы и глядя на полъ. У медвѣжьей клѣтки не было никого. Но животное не спало. Встревоженное необычными движеніями и шумомъ, оно продолжало метаться по своей узкой тюрмѣ.

Чуть только забрезжило и показалась свѣтлая полоска на восточной части горизонта, я услышалъ тихій сдвленный плачь. Двѣ старухи, закрывая глаза руками, вышли изъ юрты и направились къ медвѣжьей клѣткѣ. Упавъ на землю, онѣ прислонили къ ней головы и плакали все громче. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ рядомъ съ ними было уже нѣсколько десятковъ мужчинъ и женщинъ. Изъ всѣхъ юртъ выходили гости и присоединялись къ плачущимъ. Большинство приближалось, проливая обильныя слезы.

Болѣе сотни человекъ громко изливало свое горе, всхлипывая и плача навзрыдъ. Я зналъ, что айны склонны къ слезамъ. Гиляки, пристыжая своихъ капризничающихъ ребятъ, говорятъ имъ: „вуунд кугі варанд“, т.-е. ты плачешь, какъ айнь. Но никогда я не могъ себѣ представить, чтобы взрослые могли плакать, какъ дѣти. Одни сидѣли на землѣ и, облокотившись руками о колѣни, закрывали печальныя лица; другіе стоя прислонились головами къ клѣткѣ. Женщины лежали на землѣ. У всѣхъ лились неудержимые потоки слезъ; изъ носу текли сопли. Выхлипыванія и завыванія становились все сильнѣе и разносились въ разныя стороны на большее пространство. Заслышавъ ихъ, поспѣшно приходили изъ крайнихъ юртъ запоздавшіе и увеличивали группу рыдавшихъ. Женскіе голоса, высокіе, дрожащіе, полные печали и отчаянія, пронизывали сердце, потрясали и мои ничѣмъ невзволнованные нервы. Я не могъ спокойно стоять и, не понимая даже тогда, чему тутъ сочувствовать, отвернулся и вытеръ мокрые глаза. Стройнаго гармоничнаго плача не было; каждый рыдалъ и всхлипывалъ самъ по себѣ, но иногда выдѣлялось яснѣе ритмическое причитаніе нѣсколькихъ женскихъ голосовъ.

Присматриваясь пристальнѣе къ смѣшанной группѣ рыдавшихъ мужчинъ и женщинъ, я сталъ различать нѣсколько центральныхъ фигуръ, около которыхъ было больше народу, къ которымъ затѣмъ подходили съ плачемъ мужчины и съ которыми ложились на землю рядомъ. Это были родственницы утонувшихъ весной людей. Держа другъ друга за руку, эти старыя женщины, ритмически причитывая и плача, въ тактъ поднимали и опускали сложенные руки.